

1941

В. И. ЛЕНИН И. В. СТАЛИН

о Ленских событиях

ПОЛИТИЗДАТ при ЦК ВКП(б) • 1941

ИМПЕРАТОРЪ ИМПЕРАТРИЦѢ

СВЯТЫМЪ ЦАРИМЪ

СВЯТЫМЪ ЦАРИЦѢ

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

ГОРЬКОЕ ПИВО - 104

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В. И. ЛЕНИН И. В. СТАЛИН

×

*О л е н с к и х
с о б ы т и я х*

ПОЛИТИЗДАТ при ЦК ВКП(б)
1941

228

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий сборник вошли статьи и речи В. И. Ленина и И. В. Сталина (1910—1927), характеризующие обстановку и положение рабочего класса в России в годы столыпинской реакции, ленские события 1912 года и их значение в подъеме стачечного и революционного движения в России.

В настоящий сборник по сравнению с предыдущим изданием дополнительно вошли статьи В. И. Ленина: «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций», «Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии», и И. В. Сталина: «Выборы в Петербурге (письмо из С.-П. Б.)» и «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

Материал расположен в хронологическом порядке.

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ

После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контр-революции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и, особенно, в деревне, еще свирепее расправа с бордами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,—точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но нельзя уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке, они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но *никакие*, даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контр-революции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти—миллионы рабочих,

которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти—разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь, при соединении земских начальников и богатых крестьян для грабежа *по закону*, для отнятия крестьянской земли с *согласия* помещичьей Думы, *под защитой* всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контр-революции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы *никогда* еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение,—это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906, $\frac{3}{4}$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 году число стачечников резко упало сразу (174 тысячи) и еще резче в 1909 г. (64 тысячи), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший*—хотя и с большими перерывами—с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает—впервые после долгого перерыва—*уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись *массы*, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро,—может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он, во всяком случае, идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен наперечь теперь все усилия, чтобы

восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

«Рабочая Газета» № 2, 31 (18) декабря 1910 г.

Соч., т. XIV, стр. 391—393.

И. В. Сталин

ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

(Письмо из С.-П. Б.)

В отличие от выборов 1907 года выборы 1912 года совпали с революционным оживлением среди рабочих. В то время, как тогда волны революции падали, а контр-революция торжествовала, в 1912 году началась первая волна новой революции. Именно поэтому *тогда* рабочие выбирали вяло, а местами даже бойкотировали выборы, бойкотировали, конечно, *пассивно*, показывая тем самым, что пассивный бойкот — несомненный признак вялости и упадка сил. Именно поэтому *теперь*, в атмосфере поднимающейся революции, рабочие с большим интересом шли на выборы, отбросив прочь дряблкое политическое равнодушие. Более того: рабочие боролись за выборы, они добивались и добились права выборов путем грандиозных забастовок против «разъяснений», несмотря на все полицейские ухищрения и преграды. Это несомненный признак того, что политический столбняк прошел, революция сдвинулась с мертвой точки. Правда, волна новой революции *еще* не так сильна, чтобы можно было поставить вопрос, скажем, об общей политической забастовке. Но она *уже* настолько сильна, что местами можно прорвать паузину «разъяснений» в интересах оживления выборов, в интересах организации сил пролетариата, в интересах политического просвещения масс.

1. РАБОЧАЯ КУРИЯ

1. БОРЬБА ЗА ВЫБОРЫ

Не лишне будет заметить, что инициатива забастовочной кампании принадлежала представителю Центр. Комитета и Петербургскому Комитету нашей Партии. 4-го октября поздно вечером, накануне выборов выборщиков, нам стало известно, что уездной комиссией «разъяснены» уполномоченные наиболее крупных заводов (Путиловского и прочие). Через час собирается Исполнительная Комиссия П. К.-та вместе с представителем Ц.К. и, составив новый список выборщиков,

выносит решение об однодневной забастовке—протесте. Ночью в тот же день собирается Путиловская заводская с.-д. группа и принимает решение Петерб. Комитета. 5-го начинается Путиловская забастовка. Бастует весь завод. 7-го (в воскресенье) собирается заводская с.-д. группа Невского Судостроительного Завода и присоединяется к решению П. К.; 8-го бастует весь завод. За ними идут прочие фабрики и заводы. Бастуют не только разъясненные предприятия, но и не разъясненные (Паль), а также те, которые по «правилам о выборах» не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности. В революционных песнях и манифестациях нет недостатка... 8-го октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборы выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстанавливает в правах» путиловцев, привлекает к выборам большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу. Рабочие победили.

Интересна резолюция, принятая рабочими на Невском Судостроительном и Путиловском заводах при объявлении забастовки:

«Протестуя против нарушения наших избирательных прав, заявляем, что только низвержение царизма и завоевание демократической республики могут обеспечить рабочим право и действительную свободу выборов».

Резолюция ликвидаторов о том, что «...только всеобщее избирательное право в Государственную Думу могло бы гарантировать право выборов»—была отвергнута. Резолюции эти предварительно обсуждались на заводских с.-д. группах, и когда выяснилось, например, в группе Невского Судостроительного Завода, что резолюция ликвидаторов не встретила сочувствия, сторонники ее обязались не выставить ее на митинге перед беспартийной массой, а поддержать принятую группой. К чести их следует заметить, что они исполнили свое слово. Зато антиликвидаторы ответили такой же лояльностью, проводя в уполномоченные Гудкова, которого, имея большинство на заводе, могли «провалить». Если бы была хоть капля такого же чувства ответственности у «Луча», который так хорошо умеет писать о том, чего не было на заводах, но который умолчал о вышеупомянутой резолюции на Невском, резолюцию же путиловцев вдобавок еще исказил!..

Итак, рабочие боролись за выборы и добились выборов. Пусть извлекут из этого урок петербургские эсеры, так безуспешно выступавшие на Невском Судостроительном заводе против выборов.

Рабочие боролись за выборы под лозунгом демократической республики. Пусть извлекут из этого урок фетишисты «частичных реформ», ликвидаторы из «Луча».

2. НАКАЗ ДЕПУТАТУ

«Разъяснительные» забастовки еще не были ликвидированы, когда собрался съезд уполномоченных. Можно было заранее сказать, что выработанный Петербургским Комитетом и одобренный крупными заводами Питера наказ (Путиловский, Невский Судостр. заводы, Паль) будет принят уполномоченными. И действительно, наказ был принят подавляющим большинством при незначительной группе воздержавшихся ликвидаторов. Попытки последних помешать голосованию были встречены возгласами «не мешайте!»

В своем наказе депутату уполномоченные говорят о «задачах пятого года», о том, что задачи эти «остались не разрешенными», что экономическое и политическое развитие России «делает их разрешение неминуемым». Борьба рабочих и революционных крестьян за низвержение царизма, вопреки соглашательской политике кадетской буржуазии, борьба, вождем которой может быть только пролетариат—вот что могло бы разрешить, по наказу, задачи пятого года и т. д. (См. «наказ» в «Соц.-Дем.» № 28—29).

Как видите, это далеко не то, что либерально-ликвидаторский «пересмотр аграрных постановлений III Думы» или «всеобщие выборы в Государственную Думу». (См. платформу ликвидаторов).

Петербургские рабочие остались верными революционным традициям нашей Партии. Лозунги революционной социал-демократии и только они получили признание съезда уполномоченных. На съезде решали вопрос беспартийные (из 82 уполномоченных 41 «просто» соц.-демократов и беспартийных), и если даже на таком собрании принят наказ Петербургского Комитета, то это значит, что лозунги П. К. имеют прочные корни в чувствах и мыслях рабочего класса.

Как отнеслись ко всему этому ликвидаторы? Если бы они верили в свои взгляды и не хромали по части политической честности, они повели бы открытую борьбу против наказа, выставив свой наказ, или потерпев поражение, сняли бы со списков своих кандидатов. Выставили же они свой список кандидатов в выборщики в противовес списку антиликвидаторов,—почему было не выставить так же открыто свои взгляды, свой наказ? И когда прошел наказ антиликвидато-

ров, почему было не заявить честно и открыто, что они, как противники наказа, не могут быть выбираемы в качестве будущих защитников наказа, что они снимают свои кандидатуры, очищая место сторонникам наказа? Ведь это элементарное правило политической честности. Или, может быть, ликвидаторы обошли наказ потому, что вопрос недостаточно полно дебатировался, а на съезде дело решилось голосами беспартийных? Но почему в таком случае они не подчинились решению 26 уполномоченных *соц.-демократов*, нелегально собравшихся за несколько дней до съезда уполномоченных и после дискуссии принявших платформу антиликвидаторов (большинством 16 против 9 при одном воздержавшемся), при чем на собрании присутствовали и лидеры ликвидаторов и их уполномоченные? Какими высшими соображениями руководствовались ликвидаторы, попирая одновременно и наказ всего съезда, и волю 26 с.-д. уполномоченных? Очевидно тут могло быть только одно соображение: насолить антиликвидаторам и «как-нибудь» протащить своих людей. Но в том-то и дело, что если бы ликвидаторы пошли в открытую борьбу, они не провели бы ни одного своего сторонника, ибо для всех было ясно, что ликвидаторский «Пересмотр аграрных постановлений III Думы» не найдет сочувствия среди уполномоченных. Оставалось одно: спрятать свое знамя, прикинуться сторонниками наказа, заявляя, что «собственно мы тоже за такой же почти наказ», и «как-нибудь» провести своих людей. Они так и поступили. Поступая же так, ликвидаторы признали свое поражение, зачислив себя в политические банкроты.

Но заставить противника свернуть свое знамя, т. е. заставить его признать *негодность* своего знамени, т. е. заставить его признать идейное превосходство своего врага—это именно и значит одержать моральную победу.

И вот «странность»: у ликвидаторов—«широкая рабочая партия», у антиликвидаторов же только «заскорузлый кружок», и все-таки «узкий кружок» победил «широкую партию»! Каких только чудес не бывает на свете!..

3. ЕДИНСТВО, КАК МАСКА, И ВЫБОРЫ ДЕПУТАТА

Когда буржуазные дипломаты готовят войну, они начинают усиленно кричать о «мире» и «дружественных отношениях». Если какой-нибудь министр иностранных дел начинает распинаться за «конференцию мира», то так и знайте, что «его правительство» уже отдало заказ на новые дредноуты и моно-

планы. У дипломата слова *должны* расходиться с делом,—иначе какой же он дипломат? Слова—это одно, дело—совершенно другое. Хорошие слова—маска для прикрытия скверных дел. Искренний дипломат—это сухая вода, деревянное железо.

То же самое следует сказать о ликвидаторах с их фальшивыми криками об единстве. Недавно тов. Плеханов, сторонник объединения в Партии, писал по поводу резолюции ликвидаторской конференции, что «от них на десять верст несет дипломатией». И затем тот же т. Плеханов назвал их конференцию «раскольнической». Прямее говоря, ликвидаторы обманывают рабочих дипломатическими криками об единстве, ибо они, говоря об единстве, творят раскол. И действительно, ликвидаторы—это дипломаты в социал-демократии, прикрывающие хорошими словами об единстве скверное дело чинимого ими раскола. Когда ликвидатор распинается за единство, то так и знайте, что он уже попрал единство во имя раскола.

Выборы в Петербурге являются прямым тому доказательством.

Единство—это, прежде всего, единство действий социал-демократически-организованных рабочих внутри рабочего класса, еще неорганизованного, еще не просвещенного светом социализма. Социал-демократически-организованные ставят на своих собраниях вопросы, обсуждают их, выносят решения, и потом, как единое целое, выступают перед беспартийными с этими решениями, безусловно обязательными для меньшинства. *Без этого нет и не может быть единства социал-демократии!* Было ли такое решение в Петербурге? Да, было. Это—решение 26 социал-демократических уполномоченных (обоих направлений), принявших платформу антиликвидаторов. Почему не подчинились ликвидаторы этому решению? Почему они сорвали волю большинства с.-д. уполномоченных? *Почему они попрали единство с.-д. в Петербурге?* Потому, что ликвидаторы—дипломаты в социал-демократии, творящие раскол под маской единства.

Затем, единство—это единство действий пролетариата перед лицом всего буржуазного мира. Представители пролетариата выносят решения и проводят их, выступая как единое целое, при условии подчинения меньшинства большинству. *Без этого нет и не может быть единства пролетариата!* Было ли такое решение у Петербургского пролетариата? Да, было. Это—антиликвидаторский наказ, принятый большинством съезда уполномоченных. Почему ликвидаторы не подчинились наказу уполномоченных? Почему они сорвали волю

большинства уполномоченных? Почему они попрали единство рабочего класса в Петербурге? Потому, что ликвидаторское единство—дипломатическая фраза, прикрывающая политику срыва единства...

Когда ликвидаторы, срывая волю большинства, проводя колеблющихся (Судаков), раздавая посулы самого дипломатического свойства, заполучили наконец трех выборщиков,—возник вопрос, как быть?

Единственный честный выход был жеребьевка.

И антиликвидаторы предложили ликвидаторам жеребьевку, а ликвидаторы отвергли ее!

Переговаривавшийся по поводу предложения с большевиком X ликвидатор Y (имена переговаривавшихся с обеих сторон могут быть нами названы в случае необходимости и в условиях соблюдения необходимой конспиративности) после опроса своих единомышленников ответил, что «жеребьевка неприемлема, так как наши выборщики связаны решением нашего руководящего коллектива».

Пусть-ка попробуют опровергнуть это наше заявление гг. ликвидаторы!

Срыв воли большинства с.-д. уполномоченных, срыв воли большинства съезда уполномоченных, отказ от жеребьевки, отказ от единой кандидатуры в Думу, все это в интересах единства,—уж очень оригинальное у вас «единство», гг. ликвидаторы!

Впрочем раскольническая политика ликвидаторов не нова. Еще с 1908 года ведут они агитацию против нелегальной партии. Ликвидаторские бесчинства на выборах в Петербурге являются продолжением их старой раскольнической политики.

Говорят, что Троцкий своей «объединительной» кампанией внес «новую струю» в старые «дела» ликвидаторов. Но это не верно. Несмотря на «геройские» усилия Троцкого и его «ужасные угрозы», он оказался в конце концов простым шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами, ибо он за 5 лет «работы» никого не сумел объединить, кроме ликвидаторов. Новая шумиха—старые дела!

Но вернемся к выборам. Отвергая жеребьевку, ликвидаторы могли рассчитывать только на одно: на то, что буржуазия (кадеты и октябристы) предпочтет ликвидаторов! Чтобы парализовать этот чистенький расчет, П. К. не мог поступить иначе, как дать директиву баллотироваться всем, ибо у ликвидаторов был и «колеблющийся» (Судаков), у них не было сплоченной группы. Исполняя директиву П. К., все выборщики-антиликвидаторы баллотировались. И чистенький

расчетов ликвидаторов не удался! Деморализация была не у антиликвидаторов, а среди ликвидаторских выборщиков, которые против решения их «коллектива» баллотировались наперебой. Удивляться следовало бы не тому, что Гудков согласился на кандидатуру Бадаева (над Гудковым тяготел антиликвидаторский наказ, прошедший у него на заводе!),—а тому факту, что ликвидатор Петров, а за ним сам Гудков баллотировались *после избрания* Бадаева.

Из сказанного вывод один: единство для ликвидаторов—маска, прикрывающая их раскольническую политику, конек, на котором они хотели въехать в Думу вопреки воле социал-демократии и пролетариата в Петербурге.

II. ГОРОДСКАЯ КУРИЯ

Ленские события и вообще оживление среди рабочих не прошли даром для избирателя второй курии. Демократические слои городского населения значительно повели. Если пять лет назад, после поражения революции, они «хоронили» идеалы пятого года, то теперь, после массовых забастовок, старые идеалы начали оживать. Создалось определенное настроение недовольства двойственной политикой кадетов, чего кадеты не могли не заметить.

С другой стороны, октябристы «не оправдали» надежд крупных коммерсантов и фабрикантов. Открывались вакансии, чего кадеты опять-таки не могли не заметить.

И кадеты решили еще в мае этого года играть на два фронта. Не бороться, а играть.

Этим и объясняется та двойственность избирательной кампании кадетов в двух различных куриях, которая не могла не поражать избирателя.

Центром избирательной кампании социал-демократов сделалась борьба с кадетами за влияние на демократические слои. Гегемония контрреволюционной буржуазии, или гегемония революционного пролетариата?

Это та самая «схема» большевиков, против которой многие годы безнадежно борются ликвидаторы и которой теперь припущены были они подчиниться, как очевидной и неизбежной жизненной необходимости.

Победа во второй курии зависела от поведения демократических слоев, демократических по положению, но не сознавших еще своих интересов. За кем пойдут эти слои, за социал-демократией или за кадетами? Был и третий лагерь, правые с октябристами, но серьезно говорить о «черносотенной опас-

ности» не приходилось, ибо было ясно, что правые могут собрать лишь незначительное количество голосов. Разговоры же о «незапугивании буржуазии», хотя они и имели место (см. ст. Ф. Д. в «Нев. Голосе»), вызвали лишь улыбку, ибо было ясно, что социал-демократии предстояло не только «запугать», но и сбросить с позиции эту самую буржуазию в лице ее адвокатов—кадетов.

Гегемония социал-демократии или гегемония кадетов—так ставила вопрос сама жизнь.

Из этого было ясно, что необходима исключительная сплоченность социал-демократии во всем ходе кампании.

Именно поэтому Избирательная комиссия при Петербургском Комитете пошла на соглашение с другой комиссией, состоявшей из меньшевиков и одиночек-ликвидаторов. Соглашение о лицах при полной свободе избирательной агитации с неизменным условием о том, что в список кандидатов в Думу «не может войти лицо, связавшее свое имя или деятельность с борьбой против партийности» (извлечение из «протокола» переговоров). Известный список с.-д. по второй курии получился лишь в результате отвода со стороны антиликвидаторов Аб... и Л..., известных питерских ликвидаторов, «связавших свое имя и деятельность» и прочее. Не лишне здесь же заметить для характеристики «сторонников единства», что они, после избрания Чхеидзе в Тифлисе, решительно отказались заменить его кандидатурой бывшего члена III Думы, с.-д. Покровского, грозя параллельным списком и расстройством кампании.

Но оговорка о «свободе избирательной агитации» оказалась, пожалуй, излишней, ибо ход кампании воочию показал, что никакая другая кампания невозможна в борьбе с кадетами, кроме кампании революционно-социал-демократической, т. е. большевистской. Кто не помнит речей СШБ ораторов и кандидатов социал-демократии о «гегемонии пролетариата» и о «старых методах борьбы» в противовес «новым парламентским»? О «втором движении» и о «негодности лозунга ответственного кадетского министерства»? Куда девались причитания ликвидаторов о «нераскальвании оппозиции», о «полевении кадетской буржуазии», о «давлении» на эту буржуазию? А антикадетская агитация ликвидаторов из «Луча», «евших» и «запугивавших» кадетов иногда даже чрезмерно, разве все это не свидетельствует о том, что даже «устаи младенцев» изрекала истину сама жизнь.

Куда же подевалась принципиальная совесть Дана, Мартова и прочих противников «кадетоедства»?

«Широкая рабочая партия» ликвидаторов еще раз потерпела поражение в борьбе с «подпольным кружком». Подумайте только: «широкая рабочая (?) партия» в плену у маленького, ну совсем маленького «кружка»! Чудеса...

III. ИТОГИ

Из сказанного ясно прежде всего, что речи о двух лагерях, лагере сторонников третейского режима и лагере противников его—не имеют почвы под собой. На деле выступали на выборах три, а не два лагеря: лагерь революции (соц.-дем.), лагерь контр-революции (правые) и лагерь соглашателей, подкапывающихся под революцию, льющих воду на мельницу контр-революции (кадеты). Об «единой оппозиции» против реакции не было и помину.

Далее выборы говорят о том, что размежевка между двумя крайними лагерями будет расти, что средний лагерь будет ввиду этого таять, освобождая демократически настроенных в пользу социал-демократии, а сам постепенно передвигаясь в сторону контр-революции.

Ввиду этого речи о «реформах» сверху, о невозможности «взрывов» и об «органическом развитии» России под эгидой «конституции» теряют всякую почву. Ход вещей с неизбежностью ведет к новой революции, и нам придется пережить «новый пятый год» вопреки уверениям Лариных и прочих ликвидаторов.

Наконец выборы говорят о том, что пролетариат и только он призван стать во главе грядущей революции, шаг за шагом собирая вокруг себя все честное и демократическое в России, жаждущее освобождения родины от неволи. Достаточно познакомиться с ходом выборов по рабочей курии, достаточно познакомиться с симпатиями петербургских рабочих, ясно выраженными в наказе уполномоченных, достаточно познакомиться с их революционной борьбой за выборы, чтобы убедиться в этом.

Все это дает основание утверждать, что выборы в Петербурге деликом подтвердили правильность лозунгов революционной социал-демократии.

Жизненность и мощь революционной социал-демократии—таков первый вывод.

Политическое банкротство ликвидаторов—таков второй вывод.

К. СТАЛИН

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА Р. С.-Д. Р. П.*

Март 1912 года.

Товарищи-рабочие и все граждане России!

В самом недалеком будущем предстоят выборы в IV Государственную Думу. И различные политические партии и само правительство изо всех сил готовятся уже к выборам. Партия сознательного пролетариата, своей славной борьбой 1905 года нанеся первый серьезный удар царизму и вырвавшая у него представительные учреждения, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия призывает всех и каждого, как имеющих избирательные права, так и громадное большинство «бесправных» принять самое энергичное участие в выборах. Все те, кто стремится к освобождению рабочего класса от наемного рабства, все те, кому дорого дело русской свободы, должны приняться немедленно за работу, чтобы и на выборах в четвертую, помещичью, Думу сплотить и укрепить борцов за свободу, двинуть вперед сознательность и организованность российской демократии.

Пять лет прошло со времени государственного переворота 3-го июня 1907 г., когда Николай Кровавый, царь ходынский, «победитель и истребитель» первой и второй Думы, отбросил в сторону свои клятвы, обещания и манифесты, чтобы вместе с черной сотней помещиков, вместе с октябристскими купцами приняться мстить рабочему классу и всем революционным элементам России, т.-е. громадному большинству народа, за пятый год.

Местью за революцию отмечена вся эпоха III Думы. Никогда еще не было в России такого разгула преследований

---

* «Избирательная платформа Р.С.-Д.Р.П.» была издана листовкой в виде приложения к № 26 «Социал-демократа» — центрального органа большевистской партии. Пересланная в Россию платформа была переиздана в ряде городов. *Ред.*

со стороны царизма, и виселицы за эти пять лет побили рекорд трех столетий русской истории. Места ссылки, каторги и тюрьмы переполнились политиками, как никогда, и никогда не применялись к побежденным такие истязания и пытки, как при Николае II. Никогда не было такого разгула казнокрадства, такого бесчинства и произвола чиновников—которым все сходит с рук за ретивость в борьбе с «крамолой», такого издевательства над обывателем вообще и над мужиком в особенности со стороны любого представителя власти. Никогда еще не травили с таким запоем, с такой злобой, с такой бесшабашностью евреев, а вслед за ними и другие народности, не принадлежащие к господствующей нации.

Антисемитизм и самый грубый национализм стали единственной политической платформой партий правительства, а фигура Пуришкевича стала единственно полным, цельным, правильным выражением всех приемов управления теперешней царской монархии.

И каков результат этих бешенств контр-революции?

Даже в «высшие», эксплуататорские, классы общества проникает сознание, что так больше жить нельзя. Сами октябристы,—господствовавшая в III Думе партия, партия помещика и купца, нануганного революцией и пресмыкающегося перед начальством, все больше и больше, в своей собственной печати, выражают убеждение в том, что царь и дворяне, которым октябристы служили верой и правдой, завели Россию в тушк.

Было время, когда царская монархия являлась европейским жандармом, охраняя реакцию в России и помогая насильственно подавлять всякое движение к свободе в Европе. Николай II довел дело до того, что царь является теперь не только европейским, но и азиатским жандармом, который интригами, деньгами и самым зверским насилием стремится подавить всякое движение к свободе в Турции, Персии и Китае.

Но никакие зверства царизма не могут остановить развития России. Как ни уродуют, как ни калечат Россию Пуришкевичи, Романовы, Марковы, эти крепостники-последыши, она все же идет вперед, и с каждым шагом развития все настоятельнее становится требование политической свободы. Без политической свободы не может жить Россия, как и ни одна страна в XX веке. А разве мыслимо ждать политических реформ от царской монархии, когда царь разогнал обе первые Думы и растоптал ногами свой же манифест 17 октября

1905 г.? Разве мыслимы политические реформы в современной России, когда над всякими законами издевается чиновничья шайка, зная, что все покроет царь и его присные? Разве не видим мы, как, пользуясь защитой самого царя или его родни, вчера Илюдор, сегодня Распутин, вчера Толмачев, сегодня Хвостов, вчера Столыпин, сегодня Макаров—топчут ногами все и всякие законы? Разве не видим мы, что даже мелочные, до смешного ничтожные «реформы» помещичьей Думы, реформы, направленные к подновлению и укреплению царской власти, отвергаются и уродуются Государственным Советом или личным указом Николая Кровавого? Разве не знаем, что чернооетенная банда убийц, из-за угла стреляющая в депутатов, неудобных начальству, заточающая на каторгу с.-д. депутатов II Думы, всегда готовящая погромы, повсюду нагло грабящая казну,—пользуется особым благоволением царя и получает от него худо прикрытую помощь, направление, руководство? Посмотрите на то, что сталося при Николае Романове с основными политическими требованиями русского народа, во имя которых в течение более $\frac{3}{4}$ века шли на героическую борьбу лучшие представители народа, во имя которых в 1905 году поднялись миллионы. Совместимо ли с монархией Романовых всеобщее, равное, прямое избирательное право, когда даже не всеобщее, не равное и не прямое избирательное право в первую и вторую Думы было растоптано царизмом? Совместима ли с монархией царя свобода союзов, коалиций, стачек, когда даже реакционный уродливый закон 4-го марта 1906 года сведен всецело на нет губернаторами и министрами? Не звучат ли издевательством слова манифеста 17-го октября 1905 года о «незыблемых основах гражданской свободы», о «действительной неприкосновенности личности», о «свободе совести, слова, собраний, союзов»? Каждый день каждый «подданный» царя наблюдает это издевательство.

Нет! Довольно с нас либеральной лжи, будто возможно соединение свободы и старой власти, будто мыслимы политические реформы при царской монархии. Тяжелыми уроками контр-революции поплатился русский народ за эти детские иллюзии! Кто серьезно и искренно хочет политической свободы, тот должен гордо и смело поднять знамя *республики*, и под это знамя политика царско-помещичьей шайки неуклонно будет стягивать все живые силы русской демократии.

Было время—и не так давно—когда клич: долой самодержавие! казался слишком передовым для России. Но Р. С.-Д. Р. Партия бросила этот клич, рабочие передовых отрядов

подхватили его и разнесли по всей стране; в 2—3 года этот клич стал «народной поговоркой». За работу же, товарищи-рабочие и все граждане России, кто не хочет, чтобы наша страна погрязла окончательно в застое, дикости, бесправии и убийственной нужде десятков миллионов! Российские социал-демократы, российские рабочие добьются того, чтобы народной поговоркой на Руси стало: долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика российская!

Рабочие! Вспомните 1905 год: стачечной борьбой вы подняли к новой жизни, к сознательности, к свободе миллионы трудящихся. И десятилетия царских реформ не давали, не могут дать десятой доли тех улучшений вашей жизни, которых вы добились тогда борьбой масс. Судьба проекта закона о страховании рабочих, изуродованного—при участии кадетов—помещичьей Думой, лишней раз показала, чего могут ждать рабочие «сверху».

Контр-революция отняла почти все наши завоевания, но она не отняла и не сможет отнять силы, бодрости, веры в свое дело у рабочей молодежи, у растущего и крепнущего всероссийского пролетариата.

Да здравствует новая борьба за улучшение жизни рабочих, которые не хотят оставаться рабами на каторге фабрик и заводов! *Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!* Кто хочет свободы на Руси, тот должен помочь тому классу, который вырыл могилу царской монархии в 1905 г. и который свалит в эту могилу величайшего врага всех народов России в грядущую русскую революцию.

Крестьяне! Вы посылали своих депутатов трудовиков в I и II Думу, веря в царя и надеясь миром добиться его согласия на передачу помещичьих земель народу. Вы могли теперь убедиться в том, что царь—самый крупный помещик в России—в защите помещиков и чиновников не останавливается ни перед каким клятвопреступлением, ни перед каким беззаконием, ни перед каким насилием и кровопролитием. Терпеть ли его последней—крепостников, сносить ли молча издевательства и надругательства чиновников и умирать сотнями тысяч и миллионами от мучений голода, от порожденных голодом и крайней нищетой болезней, или умереть в борьбе против царской монархии и царско-помещичьей Думы, чтобы завоевать сколько-нибудь сносную и человеческую жизнь для наших детей?

Вот вопрос, который навдвигается на русских крестьян. И рабочая социал-демократическая партия зовет крестьян на борьбу за полную свободу, за переход всех помещичьих

земель к крестьянам без всякого выкупа. Подачками не излечить крестьянской нищеты, не избавить крестьян от голода. Не милостыни требуют крестьяне, а той земли, которую веками поливали они своим потом и кровью. Не попечение начальства и царя нужно крестьянам, а свобода от чиновников и от царя, свобода самим устраивать свои дела.

Пусть же выборы в IV Думу послужат для уяснения политического сознания массы, для вовлечения их снова в решительную борьбу. Три главные партии борются на выборах: 1) черносотенцы, 2) либералы и 3) социал-демократы.

К черносотенцам принадлежат и правые, и «националисты», и октябристы. Они все стоят за правительство—значит, различия между ними не могут иметь никакого сколько-нибудь серьезного значения. Беспощадная борьба со всеми этими черносотенными партиями—вот наш лозунг!

Либералы—это партия кадетов («конституционно-демократическая» или «народной свободы»). Это партия либеральной буржуазии, которая хочет разделить власть с царем и крепостниками-помещиками так, чтобы не разрушать до основания их власти, так, чтобы не давать власти народу. Ненавидя отесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс, относятся с еще большими колебаниями и нерешительностью к освободительной борьбе народа, изменчески переходя в решительные моменты на сторону монархии. За время контр-революции либералы, подпевая «славянским» мечтаниям царизма, разыгрывая из себя «ответственную оппозицию», пресмыкаясь пред царем, как «оппозиция его величества», и обливая грязью революционеров и революционную борьбу масс, отворачивались все более и более от борьбы за свободу.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия и в черной III Думе сумела поднять знамя революции, сумела помочь и оттуда делу организации и революционного просвещения рабочих, делу крестьянской борьбы с помещиками. Партия пролетариата—единственная партия передового класса, способного завоевать России свободу. И теперь наша партия идет в Думу не для того, чтобы «отстаивать конституцию», «убеждать» октябристов или «вытеснить реакцию» из Думы, как говорят обманывающие народ либералы, а для того, чтобы с думской трибуны звать массы к борьбе, разъяснять учение социализма, вскрывать всякий правительственный и либеральный обман, разоблачать монархические

предрассудки отсталых слоев народа и классовые корни буржуазных партий,—одним словом для того, чтобы готовить армию сознательных борцов новой русской революции.

Царское правительство и черносотенные помещики вполне оценили, какую силу революции представляла из себя с.-д. фракция в Думе. Все усилия полиции и министерства внутренних дел направлены теперь на то, чтобы не пропустить с.-д. в IV Думу. Объединяйтесь же, рабочие и граждане! Сланивайтесь вокруг Р. С.-Д. Р. П., которая на своей недавней конференции, оправляясь от развала времен лихолетья, снова собрала свои силы и подняла свое знамя! Пусть все и каждый примет участие в выборах и в выборной агитации,—и усилия правительства будут разбиты, красное знамя революционной социал-демократии будет с думской трибуны водружено и в полицейской, бесправной, залитой кровью, задавленной и голодной России!

Да здравствует демократическая республика российская!

Да здравствует 8-мичасовой рабочий день!

Да здравствует конфискация помещичьей земли!

Рабочие и граждане! Поддерживайте выборную агитацию Р.С.-Д.Р.П.!

Выбирайте кандидатов Р.С.-Д.Р. Партии!

*Центральный Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей
Партии.*

НОВАЯ ПОЛОСА

Вслед за экономическими выступлениями рабочих—политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату—протесты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов.

В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве,—везде, во всех концах России поднимают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей.

«Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!»

Третью ступень проходит рабочее движение в своем возрастающем оживлении. И это после контрреволюционных вакханалий.

Года два назад рабочие еще пробовали сопротивляться все возрастающим нападениям ненасытных хозяев. Стачки обороны, а местами и наступательные забастовки—вот в чем выразилось оживление движения. Это была первая ступенька. Московский район был застрельщиком.

Года полтора назад рабочие переходят к наступательным забастовкам. Выставляются новые экономические требования, добиваются условий 1905—1906 годов, отобранных у рабочих за время контрреволюционного разгула. Это была вторая ступенька. Застрельщиком являются западные окраины.

Теперь пошла третья ступень, период политического движения.

Со ступеньки на ступеньку!

И этого надо было ожидать. Подъем в основных отраслях промышленности и рост капиталистических барышей наряду с падением реальной заработной платы; рост профессиональных и политических организаций буржуазии наряду с разру-

шением рабочих организаций; подъем цен на жизненные продукты и рост помещичьих доходов наряду с голодом 30 миллионов крестьян, когда гонимые нуждой отцы и матери принуждены продавать своих дочерей и сыновей,—все это не могло не внести политического оживления в ряды рабочего класса.

Ленские выстрелы послужили лишь сигналом.

Очевидно, «на Шипке не совсем спокойно». Это чувствуют и представители власти, спешно готовящиеся к «умиротворению» страны. Это отражается, повидимому, даже на делах нашей внешней политики...

А известия о политических забастовках-протестах все продолжают приходить.

Нет сомнения, что подземные силы освободительного движения заработали...

Привет вам, первые ласточки!

ОНИ ХОРОШО РАБОТАЮТ...

После Ленских выстрелов—забастовки и протесты по России.

После думских «объяснений» министра Макарова—демонстрация в столице России.

Правительство хотело вогнать Россию в тиски кровавых «распоряжений».

Россия же оказалась сильнее правительства и решила идти своим путем...

Бросим еще раз взгляд на историю ленских событий.

На ленских приисках шла забастовка 6 000 рабочих. Забастовка мирная, организованная. Конечно, лживая «Речь» может говорить о «стихийном бунте» на Лене (см. № 103). Но мы судим не по лживой «Речи», а по «донесению» очевидца Тульчинского. А г. Тульчинский утверждает, что рабочие в тот день вели себя образцово, что «никаких камней и палок не было» у рабочих. А затем, адские условия работы на приисках, минимальные требования со стороны рабочих, добровольный отказ от требования восьми часов, готовность рабочих к дальнейшим уступкам—все это знакомая картина мирной ленской забастовки.

Тем не менее правительство нашло нужным расстрелять рабочих, мирных, безоружных рабочих, с табачными кистами в руках, с заявлениями в карманах об освобождении арестованных товарищей...

Трещенко не привлечен к ответственности,—не ясно ли, что он действовал по распоряжению свыше?

Решено привлечь рабочих, а не Трещенко,—разве не ясно, что кому-то нужна была кровь пролетариата?

Двух зайцев хотели убить в день выстрелов.

Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов.

Во-вторых, пригнать рабочих других городов и местностей,—дескать, несите беззастенчиво ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими.

В результате—не достигли ни того, ни другого.

Ленские людоеды не удовлетворены, ибо забастовка на приисках продолжается.

Рабочие же других городов не только не напуганы, а наоборот, в знак протеста против расстрелов поднимают забастовку за забастовкой.

Более того. На «объяснения» Макарова столица России, Петербург, ответила демонстрацией тысяч студентов и рабочих.

Наиболее чуткая часть русского общества, учащая молодежь, протянула руку наиболее революционной части русского народа, пролетариату, и, подняв красные знамена, провозгласила: да, «так было», но так уж не должно быть!

От мирной экономической забастовки на Лене—к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России—к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России,—вот чего добились представители власти в своей борьбе с рабочими.

Да, хорошо «роет крот» освободительного движения, дальновидное русское правительство!

Еще два-три таких «подвига», и можно будет с несомненностью сказать, что от крикливой фразы министра Макарова останется одно лишь жалкое воспоминание.

Работайте, господа, работайте!

ТРОНУЛАСЬ!..

Закованная в цепи лежала страна у ног ее порабитителей. Ей нужна была народная конституция,—а получила дикий произвол, меры «пресечений» и «усмотрений».

Она нуждалась в народном парламенте,—а преподнесли ей господскую Думу, Думу Пуришкевича и Гучкова.

Ей нужна была свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов,—а видит она вокруг себя одни лишь разрушенные рабочие организации, закрытые газеты, арестованных редакторов, разогнанные собрания, сосланных забастовщиков.

Она требовала земли для крестьян,—а преподнесли ей аграрные законы, бросившие крестьянские массы в еще большую земельную нужду в угоду кучке сельских богачей.

С нее собирают последние гроши в виде налогов и податей... и тратят их на ее же порабощение.

Ей обещали защиту «личности» и «собственности»,—а тюрьмы и ссылка переполнены «неблагонадежными», а начальники сыскных полиций (вспомните Киев, Тифлис!) вступали в союз с бандитами и ворами для угнетения личности и расхищения собственности.

Ей обещали «благоденствие» и «преуспеяние», а крестьянское хозяйство все падало, десятки миллионов крестьян голодают, цынга и тиф уносят тысячи жертв...

А страна все терпела, терпела...

Те же, кто не могли терпеть, кончали самоубийством.

Но все имеет конец,—настал конец и терпению страны.

Ленские выстрелы разбили лед молчания, и—тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия—все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот, почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций.

В этом—и только в этом—следует искать объяснений последним событиям.

А верховоды Думы—октябристы, кадеты, прогрессисты—ждут «объяснений» сверху, из уст представителей власти!

Октябристы «запрашивают», прогрессисты просто «спрашивают», кадеты «находят своевременным» говорить о каких-то Трещенко, жалких марионетках в руках событий!

И это в то время, когда Макаров уже бросил им свое хвастливое: «так было, так будет»!

В столице России бастуют десятки тысяч рабочих, войска приведены в боевое положение, из-за внутренних «осложнений» расстраиваются дела «нашей» внешней политики по вопросу о Дарданеллах,—а они ждут ответа сверху от «сфер»!

Слепые! Не видят, что в эти дни слово принадлежит пролетариату, а не представителям власти.

ВЫВОДЫ

Первая волна политического подъема начинает отходить. Идут «последние» забастовки. Там и сям раздаются еще голоса протестующих забастовщиков, но это будут «последние» голоса. Страна, пока что, начинает принимать «обычный» вид...

Какие уроки может извлечь пролетариат из последних событий?

Восстановим картину «дней движения».

4 апреля. Выстрел на Лене. Около 500 жертв убитых и раненых. В стране видимо спокойно. Настроение правительства твердое. Начинаются забастовки-протесты на юге. 10 апреля. Запрос в Думе. Число забастовок возрастает. Становится тревожно.

11 апреля. Ответ Макарова: «так было, так будет». Тимашев «не вполне» согласен с Макаровым. Первое замешательство в рядах представителей власти. В Петербурге идут митинги и забастовки. В провинции движение усиливается.

15 апреля. В Петербурге бастует свыше 100 000 рабочих. Устраиваются демонстрации рабочих. Власть теряет голову. Макаров не решается прийти в Думу. Тимашев приносит извинение. Власть отступает. Уступка «общественному мнению».

Вывод ясен: молчанием, терпением невозможно добиться раскрепощения. Чем громче раздается голос рабочих, тем больше теряют голову силы реакции, тем скорее они отступают...

«Дни движения» — наилучшее поле для испытания политических партий. Партии нужно оценивать не по тому, что они говорят, а по тому, как они ведут себя в «дни борьбы». Как же вели себя партии, называющие себя «народными», в эти дни?

Группа крайне-черносотенных помещиков, с Замысловскими и Марковыми во главе, с трудом скрывала свою радость по поводу ленских расстрелов. Помилуйте, власть показала силу и строгости—пусть знают «лодыри»-рабочие, с кем имеют дело! Они аплодировали Макарову. Они голосовали против запроса С.-Д. Фракции в Думе. Их газета «Земщина» всячески натравливала власть на ленских «агитаторов», на бастующих по России рабочих, на рабочую газету «Звезду».

Группа умеренно-черносотенных помещиков, с Балашовыми и Крупенскими во главе, в сущности, ничего не имела против расстрелов, она жалела только, что власть действовала слишком открыто. Поэтому, проливая крокодиловы слезы по поводу «убитых», она в то же время желала правительству «тактичности» в делах расстрелов. Она голосовала против запроса С.-Д. Фракции, а ее орган «Новое Время» предлагал власти «не деремониться» с «убежденными забастовщиками», демонстрантов подвергать «не легкому штрафу или аресту, а очень строгому наказанию, приблизительному покушению на убийство», арестованных же «агитаторов» не выпускать больше из тюрем.

Партия консервативных помещиков и паразитических слоев буржуазии, партия октябристов, с Гучковыми и Гололобовыми во главе, скорбела не о расстрелянных, а о том, что поддерживаемое ею министерство получило «неприятности» (забастовки) из-за «неправильного применения огнестрельного оружия» на Лене. Называя выступление Макарова «не вполне тактичным», она в своем органе, «Голосе Москвы», выражала уверенность в том, что правительство «неповинно в пролитой крови». Она проваливала запрос С.-Д. Она науськивала власти на «подстрекателей». Когда же Тимашев взялся реабилитировать Макарова, она ему аплодировала, считая «инцидент» исчерпанным.

Партия либеральных помещиков и средних слоев буржуазии, партия кадетов с Милюковыми и Маклаковыми во главе, метая громы фраз против ленских расстрелов, находила, однако, что дело не в основах режима, а в лицах, вроде Трещенко и Белозерова. Поэтому, пропев фарисейское «мы ошиблись» по поводу выступления Макарова, она вполне удовлетворилась «покаянным» выступлением Тимашева и притихла. *С одной стороны*, она поддержала с.-д. фракцию, требовавшую суда страны над представителями власти. *С другой стороны*, она приветствовала представителей промышленной буржуазии, господ мирнообновленцев, просивших тех же представителей власти унять бастующих рабочих «культурными

мерами». А чтоб не осталось никаких сомнений на счет ее, партии ка-дэ, благонамеренности,—она взяла да и объявила в своей «Речи» ленскую забастовку «стихийным бунтом».

Вот как вели себя все эти «народные» партии в «дни движения».

Пусть запомнят это рабочие и воздадут им должное в «дни выборов» в IV Думу.

Только социал-демократия защищала в «дни борьбы» интересы рабочих, только она говорила всю правду.

Вывод ясен: социал-демократия—единственная защитница пролетариата. Все остальные упомянутые партии—враги рабочего класса с той, однако, разницей, что они различным образом борются с рабочими: кто—«культурными мерами», кто «не совсем культурными», а кто и «вовсе некультурными».

Теперь, когда первая волна подъема проходит, темные силы, спрятавшиеся было за ширмами крокодиловых слез, начинают снова появляться. «Земщина» призывает к «мерам» против рабочей печати. «Новое Время» приглашает не щадить «убежденных» рабочих. А власти берутся за «дело», еще и еще арестовывая «неблагонадежных». На что же они могут рассчитывать в своем «новом походе», откуда такая смелость у растерявшихся было властей?

Они могут рассчитывать только на одно: на невозможность каждый раз подымать массовые протесты, на неорганизованность рабочих, на их недостаточную сознательность.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В IV ДУМУ И ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ

Политические стачки и начало демонстраций по поводу ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России. И на задачи партии и на ее роль в избирательной кампании это сгущение революционной атмосферы бросает яркий свет.

Кризис нарастает в новой обстановке. Черная Дума, дающая помещикам власть, буржуазии—арену для сделок, пролетариату—маленькую трибуну, составляет необходимую принадлежность этой обстановки. Нам нужна эта трибуна, нам нужна избирательная кампания для революционной работы в массах. Нам нужна нелегальная партия для руководства всей этой работой в ее целом, и в Таврическом дворце, и на Казанской площади, и на рабочей массовке, и во время стачки, и на районном собрании рабочих социал-демократов, и на открытом собрании профессионального союза. Только безнадежно слепые люди могут не видеть даже теперь всей вздорности, всей гибельности для рабочего класса отзовизма и ликвидаторства, этих плодов распада и развала эпохи торжества контр-революции. Пример народников наглядно показал нам, какой скандальный *поль* получается от сложения *ликвидаторства* «трудовиков», а равно легальных литераторов «Русского Богатства» и «Современника», и *отзовизма* «партии» социалистов-революционеров.

Подведем общий итог тому, что показала предвыборная мобилизация политических сил. Три лагеря показали себя ясно: 1) *Правые* за правительство—от Пуришкевича до Гучкова. Черносотенный помещик и старозаветный купец горой за правительство. 2) *Либеральные буржуа*—«прогрессисты» и кадеты вместе с группами разных «националов»—против правительства и *против* революции. В контр-революционности либерализма одна из главных особенностей данного

исторического момента. Кто не видит этой контр-революционности «культурной» буржуазии, тот все забыл и ничему не научился, тот все примет имя демократа, не говоря уже о социалисте. А трудовики и «наши» ликвидаторы плохо видят и плохо понимают! 3) Лагерь демократии, в котором *только* революционные социал-демократы, антиликвидаторы, сплоченно, организованно, твердо, ясно развернули *свое* знамя революции. Трудовики и наши ликвидаторы колеблются *между* либерализмом и демократией, между легальной оппозицией и революцией.

Классовые корни, разделившие первый и второй лагерь, ясны. Но либералам удалось сбить с толку многих, от Водозова до Дана, насчет классовых корней, разделивших второй лагерь от третьего. «Стратегия» либерала, наивно выболтанная Бланком в «Запросах Жизни», нехитра: кадеты—оппозиционный центр, коренник; пристяжки («фланги») — прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева. На этой «тройке» гг. Милоковы надеются «ехать» к триумфу в роли «ответственной оппозиции».

Гегемония либералов в русском освободительном движении *всегда* означала и всегда будет означать его поражение. Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во *всякий* серьезный момент. Задача революции—*использовать* борьбу либералов с правительством и *нейтрализовать* колебания и изменить либерализма.

Попутать революцией и таким путем поделить власть с Пуришкевичем и Романовым, давя вместе революцию,—вот политика либералов. И руководит этой политикой классовое положение буржуазии. Отсюда игра в дешевенький «демократизм» у кадетов и их *реальное* слияние с умереннейшим «прогрессизмом» Ефремовых, Львовых, Рябушинских и К^о.

Использовать борьбу либералов с Пуришкевичами из-за дележа власти, *отнюдь не* давая в народе сложиться «вере» в либерала,—для того чтобы развить, усилить, укрепить революционный натиск масс, свергающий монархию, уничтожающий Пуришкевичей и Романовых до тла, такова тактика пролетарской партии. На выборах: сплотить демократию *против* правых и *против* кадетов, «используя» на перебаллотировках, в печати, на собраниях борьбу либералов с правыми. Отсюда—необходимость революционной платформы, выходящей теперь же из рамок «легальности». Отсюда—лозунг республики, в противовес либеральной игре в «конституционные» лозунги, лозунги «распутинско-трещенковской консти-

тудии». Наше дело—готовить армию революционных борцов везде, всегда и повсюду, во всех формах работы, на всех поприщах деятельности, при всех поворотах, на какие бы нас ни осуждала победа реакции или измена либерализма или затяжка кризиса и т. д.

Посмотрите на трудовиков. Это—народнические ликвидаторы *sans phrases**. Мы—революционеры, «намекает» г. Водозов, но... нельзя же против 129-ой статьи, добавляет он. Сто лет спустя после рождения Герцена «партия» многомиллионного крестьянства не умеет даже издать листка—хотя бы гектографированного!—вопреки 129-ой статье!! Тяготей к блоку «в первую очередь» с с.-д., трудовики не умеют сказать ясно про контр-революционность кадетов, не умеют положить начала *республиканской* крестьянской партии. А урок 1905—7 и 1908—11 годов именно так поставил вопрос: бороться за республику или лизать сапог Пуришкевича, лежать под розгой Маркова и Романова. Иного выбора нет крестьянам.

Посмотрите на ликвидаторов. Как ни вилляют, как ни вертятся Мартыновы, Мартовы и К^о, а всякий добросовестный и толковый читатель признает, что Р—ков *именно их* взгляды подытожил, когда сказал: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма». *Объективный* смысл этого крылатого слова: революция—иллюзия; поддержка «прогрессистов»—реальность. Ну, неужели же не видит теперь всякий, кто не закрывает нарочно глаз, что *именно это* говорят чуточку иными словами Даны и Мартовы, когда бросают лозунг: «вырывание Думы (четвертой Думы, помещичьей Думы) из рук реакции»? когда сбиваются сотни раз на идею двух лагерей? когда кричат «не срывайте» прогрессивной работы либеральных буржуа? когда воюют против «левого блока»? когда самодовольно плюют в «Живом Деле» на «никем не читаемую заграничную литературу»? когда удовлетворяются *на деле* легальной платформой, легальными покушениями на организацию? когда создают ликвидаторские «инициативные группы», разрывая с революционной Р. С.-Д. Р. П.? Неужели не ясно, что ту же песенку поют и Левицкие, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, *от демократизма и либерализму*, и Смирновы, делающие глазки «прогрессизму», и все прочие рыцари «Нашей Зари» и «Живого Дела»?

В действительности демократы и социал-демократы не могли

* —без лишних разговоров. *Ред.*

бы никогда, даже если бы хотели, «сорвать» победы «прогрессистов» среди помещиков и буржуа! Это совсем пустые фразы. Серьезные разногласия не тут. Различие *либеральной* и *социал-демократической* рабочей политики не в этом. «Поддерживать» прогрессистов, видя в их «победах» «приближение к власти культурного буржуа», это—либеральная рабочая политика.

Мы, социал-демократы, видим в «победе» прогрессистов *косвенное* выражение демократического подъема. Использовать стычки прогрессистов с правыми надо, голый лозунг поддержки прогрессистов не годится. Наше дело—развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию. Не сумеет она окрепнуть и победить вопреки либералам,—тогда *никакое* «торжество» прогрессистов и кадетов на выборах ничего серьезного не изменит на деле в положении в России.

Что демократический подъем налицо, это теперь неоспоримо. Он идет труднее, медленнее, сложнее, чем мы могли бы желать, но он идет. *Его* надо «поддерживать» и развивать и выборной и всякой иной работой. Организовывать революционную демократию,—ковать беспощадной критикой народнического ликвидаторства и народнического отзовизма республиканскую крестьянскую партию,—а прежде всего и больше всего очищаться «у себя дома» от ликвидаторства и отзовизма, укреплять революционную социал-демократическую работу в пролетариате и нелегальную социал-демократическую рабочую партию,—такова наша задача. Как сложится развязка растущего революционного кризиса,—зависит не от нас, а от тысячи причин, от революции в Азии и от социализма в Европе; но от нас зависит ведение последовательной и неуклонной работы в массах в духе марксизма, и только одна эта работа не проходит *никогда* бесследно.

«Социал-Демократ» № 26, 8 мая
(25 апреля) 1912 г.

Соч., т. XV, стр. 457—460.

И. В. Сталин

ПЕРВОМАЙСКАЯ ЛИСТОВКА 1912 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВОЕ МАЯ!

Товарищи!

Еще в прошлом столетии решили рабочие всех стран ежегодно праздновать сегодняшний день первого мая. Это было в 1889 году, когда на парижском конгрессе социалистов всех стран постановили рабочие именно сегодня, в день первого мая, когда природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость обновления, а природа пре дается пляске и ликованию,—они решили именно сегодня заявить всему миру, что рабочие несут человечеству весну и освобождение от оков капитализма, что рабочие призваны обновить мир на основе свободы и социализма.

У каждого класса имеются свои излюбленные праздники. Дворяне завели свои праздники, на них они провозглашают «право» обирания крестьян. Буржуа имеют свои и на них они «оправдывают» «право» эксплуатации рабочих. Есть праздни ки и у попов и на них они восхваляют существующие порядки, где труженики гибнут в нищете, а тунеядцы уто нают в роскоши.

Должен быть свой праздник и у рабочих и на нем они должны провозгласить: всеобщий труд, всеобщую свободу, всеобщее равенство всех людей. Этот праздник—праздник первого мая.

Так решили рабочие еще в 1889 году.

С тех пор боевой клич рабочего социализма все силь нее раздается на митингах и демонстрациях в день пер вого мая. Все шире разливаётся океан рабочего движения, захватывая новые страны и государства от Европы и Америки до Азии, Африки и Австралии. Слабый когда-то междунаро д-

ный союз рабочих вырос в продолжении всего нескольких десятков лет в мощный союз, имеющий регулярные конгрессы и объединяющий миллионы рабочих всех концов мира. Высокими волнами вздымается море пролетарского гнева и все грознее наступает на колеблющиеся твердыни капитализма. Разыгравшаяся недавно великая забастовка углекопов в Англии, Германии, Бельгии, Америке и т. д., забастовка, нагнавшая страх на эксплуататоров и царей всего мира, — явный признак того, что социалистическая революция не за горами...

«Мы не чтим золотого кумира!» Не пужно нам царства буржуа и угнетателей! Проклятие и смерть капитализму с его ужасами нищеты и кровопролитий! Да здравствует царство труда, да здравствует социализм!

Вот что провозглашают в сегодняшний день сознательные рабочие всех стран.

И уверенные в своей победе, спокойные и сильные, гордо шествуют они по пути к обетованной земле, по пути к светлому социализму, шаг за шагом осуществляя великий призыв Карла Маркса: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Так празднуют первое мая рабочие свободных стран.

Русские рабочие с тех пор, как они начали приходить к сознанию своего положения, не желая отстать от своих товарищей, всегда присоединялись к общему хору своих заграничных товарищей, празднуя заодно с ними первое мая, несмотря ни на что, несмотря на зверские репрессии царского правительства. Правда, за последние 2—3 года в период контрреволюционной вакханалии и партийного развала, промышленной депрессии и мертвящего политического равнодушия среди широких масс русские рабочие лишились возможности по-старому праздновать свой светлый рабочий праздник. Но начавшееся в последнее время оживление в стране, экономические забастовки и политические протесты среди рабочих по поводу хотя бы пересмотра дела втородумцев социал-демократов, нарождающееся недовольство среди широких слоев крестьян, в виду охватившей свыше 20 губерний голодовки, протесты сотен тысяч приказчиков против «обновленного» строя российских зубров, — все это говорит за то, что мертвящая спячка проходит, уступая место политическому оживлению в стране и прежде всего среди пролетариата.

Вот почему в этом году русские рабочие могут и должны в сегодняшний день протянуть руку своим заграничным товарищам. Вот почему они должны в той или иной форме праздновать вместе с ними первое мая.

Они должны сказать сегодня, что заодно с товарищами свободных стран—не чтят и не будут чтить золотого кумира.

Они должны кроме того добавить к общему требованию рабочих всех стран свое собственное русское требование о свержении царизма, об установлении демократической республики.

«Нам ненавистны тиранов короны!» «Цени народа страдальца мы чтим!» Смерть окровавленному царизму! Смерть дворянской поземельной собственности! Смерть хозяйской тирании на фабриках, заводах и рудниках! Земля—крестьянам! 8 часов работы—рабочим! Демократическая республика—всем гражданам России!

Вот что должны еще провозгласить в сегодняшний день русские рабочие.

Это ложь и лакейство перед Николаем последним, когда русские либералы уверяют себя и других, что царизм упрочился в России и он способен удовлетворить основные нужды народа.

Это обман и фарисейство, когда русские либералы поют на все голоса, что революция умерла, и мы живем в «обновленном» строе.

Посмотрите вокруг себя: разве многострадальная Россия похожа на обновленную, благоустроенную страну?

Вместо демократических конституций—режим виселиц и дикого произвола!

Вместо всенародного парламента—черная дума черных помещиков!

Вместо «незыблемых основ гражданской свободы», вместо свободы слова, собрания, печати, союзов и стачек, обещанных еще в манифесте 17 октября—мертвая рука усмотрений и пресечений, закрытые газеты, высланные редакторы, разрушенные союзы, разогнанные собрания.

Вместо неприкосновенности личности—избиения в тюрьмах, издевательства над гражданами, кровавая расправа с забастовщиками на Ленских приисках!

Вместо удовлетворения крестьянских нужд—политика дальнейшего обезземеления крестьянских масс!

Вместо упорядоченного государственного хозяйства—воровство в интенданствах, воровство в железнодорожных управлениях, воровство в лесном хозяйстве, воровство в морском ведомстве!

Вместо порядка и дисциплины в правительственном механизме—подлоги в судах, шантаж и вымогательства в сыскных полициях, убийства и провокация в охранных отделениях!

Вместо международного величия русского государства—позорный провал «русской политики» в делах ближнего и дальнего востока, роль палача и разорителя в делах истекающей кровью Персии!

Вместо успокоения и благоденствия обывателей—самоубийства в городах и ужасающая голодовка 30 миллионов крестьянства в деревнях!

Вместо оздоровления и очищения нравов—неслыханный разврат в монастырях, в этих твердых официальной морали!

И как завершение картины—зверский расстрел сотен труженников на Ленских приисках!..

Разрушители добытых свобод, поклонники виселиц и расстрелов, авторы «усмотрений» и «пресечений», воры-интенданты, воры-инженеры, грабители-полицейские, убийды-охранники, развратители-Распутины—вот они, «обновители» России!

И есть еще на свете люди, осмеливающиеся утверждать, что в России все благополучно, революция умерла!

Нет, товарищи: там, где голодают миллионы крестьян, а рабочих расстреливают за забастовку, там революция будет жить, пока не сотрется с лица земли позор человечества, русский царизм.

И мы должны сказать в сегодняшний день, в день первого мая, в той или иной форме, на митингах, массовках или тайных собраниях,—где как целесообразнее будет, что клянемся бороться за полное свержение царской монархии, что приветствуем грядущую русскую революцию, освободительницу России.

Так протянем же руку нашим товарищам за границей и провозгласим вместе с ними:

Долой капитализм!

Да здравствует социализм!

Подыдем знамя русской революции и напишем на нем:

Долой царскую монархию!

Да здравствует демократическая республика!

Товарищи! мы празднуем сегодня первое мая!

Да здравствует первое мая!

Да здравствует международная Социал-демократия!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Центральный Комитет Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ

Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема.

Подъем этот вовсе не явился как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленскими расстрелами и с 1-м мая лишь окончательно определили его наступление. Временное торжество контр-революции было неразрывно связано с упадком массовой борьбы рабочих. Число стачечников дает хотя и приблизительное, но зато безусловно объективное и точное представление о размерах этой борьбы.

За десять лет перед революцией, в 1895—04 годах, среднее число стачечников было 43 тысячи в год (с округлением). В 1905 году— $2\frac{3}{4}$ миллиона, в 1906—1 миллион, в 1907— $\frac{3}{4}$ миллиона. Трехлетие революции отличается *невиданным нигде в мире* подъемом стачечной борьбы пролетариата. Падение ее, начавшееся с 1906 и 1907 годов, окончательно определилось в 1908 году: 175 тыс. стачечников. Государственный переворот 3 июня 1907 года, восстановивший самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торговопромышленных тузов, явился неизбежным результатом упадка революционной энергии масс.

Трехлетие 1908—1910 годов было эпохой разгула черносотенной контр-революции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тыс. в 1909 и до 50 тыс. в 1910 году.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрации в связи с смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение, ясно указывают,

что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс. 1911 год дает нам медленный переход в наступление со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч. С разных сторон идут указания на то, что усталость, оцепенение, порожденные торжеством контр-революции, проходят, что *потянуло* опять к революции. Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. II. в январе 1912 года, подводя итог своей оценке момента, констатировала, что «в широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 годов, начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д.—все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня» (См. «Известие» о конференции, стр. 18*).

Уже ко второй четверти текущего года это настроениеросло настолько, что проявилось в действии масс и создало *революционный подъем*. Ход событий за последние полтора года показывает с очевидностью, что в этом подъеме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России.

Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс. Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является *основой* как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего беспорядка, от огульного произвола.

Ленский расстрел, как мы уже выяснили в № 26 «Социал-Демократа», явился точнейшим отражением *всего* режима 3-тье-июньской монархии. Воле не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов

* См. Ленин, т. XV, стр. 378. Ред.

без всяких политических новодов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта несправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем.

Если либералы из кожи лезли и лезут, стараясь придать ленским событиям и майским стачкам характер профессионального движения и борьбы за «права», то для всякого, неослепленного либеральными (и ликвидаторскими) спорами, человека ясно иное. Ясен *революционный* характер массовой стачки, особо подчеркнутый петербургской предмайской прокламацией разных групп с.-д. (и даже одной рабочей с.-р. группы!), которую мы перепечатаваем полностью в отделе хроники и которая повторяет лозунги, брошенные всероссийской конференцией Р. С.-Д. Р. II. в январе 1912 года.

Да и не в лозунгах даже заключается главное подтверждение революционного характера ленских и майских стачек. Лозунги *формулировали* то, что говорят факты. Факт массовых, перекидывающихся из района в район забастовок,—громадный рост их,—быстрота распространения,—смелость рабочих,—учащение митингов и революционных речей,—требование отменить штраф за празднование 1 мая,—знакомое нам по первой русской революции сочетание политической и экономической стачки,—все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в *революционном подъеме масс*.

Припомним опыт 1905 года. События показывают нам, что среди рабочих *жива традиция* революционной массовой стачки, и что рабочие сразу подняли, оживили эту традицию. Невиданный в мире стачечный подъем 1905 года дал 810 тыс. стачечников в 1-ую и 1.277 тыс. в последнюю четверть года, при сочетании и экономической и политической стачки. По приблизительному подсчету, ленские забастовки охватили до 300 тыс. рабочих, майские до 400 тыс., а забастовки все растут и растут. Каждый номер газет—даже либеральных—сообщает о том, как разрастается стачечный пожар. Вторая четверть 1912 года еще не совсем истекла, а уже теперь вырисовывается определенно тот факт, что начало революционного подъема в 1912 году по размерам стачечного движения *не меньше, а скорее больше*, чем то же начало в 1905 году!

Русская революция впервые развила в широких размерах этот пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс. И теперь пролетариат снова

и еще более твердой рукой применяет этот метод. Никакая сила в мире не могла бы осуществить того, что осуществляет этим методом революционный авангард пролетариата. Громадная страна с 150-миллионным населением, разбросанным на гигантском пространстве, раздробленным, придавленным, бесправным, темным, отгороженным от «зловредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов,—эта страна *вся* приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих и крестьян приходят в прямое и косвенное соприкосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды *всякой* рабочей семьи, соединяют с этой непосредственной борьбой за насущные экономические нужды протест политический и борьбу с монархией. Ибо контр-революция внесла в миллионы и десятки миллионов острую ненависть к монархии, зачатки понимания ее роли, а теперь лозунг передовых столичных рабочих—да здравствует демократическая республика!—тысячами каналов идет да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в «народ», «во глубину России».

Крайне характерно рассуждение о стачке либерала Северянина, радушно принятое «Русскими Ведомостями» и с сочувствием перепечатываемое «Речью».

«Имеется ли у рабочих какое-либо основание к первомайской забастовке примешивать экономические или какие-либо (!) требования?»—вопросает г. Северянин и отвечает: «Смело думаю, что их не имеется. Всякая экономическая забастовка может и должна быть начинаема лишь после серьезного взвешивания шансов... Вот почему связывать такие забастовки с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10% на миткаль таких-то сортов».

Так рассуждает либерал! И эту беспредельную пошлость, низость и гадость принимают с сочувствием «лучшие» либеральные газеты, претендующие на звание демократических!

Самая грубая корысть буржуа, самая подлая трусость контр-революционера, вот что кроется за эффектными фразами либерала. Он хотел бы целости хозяйских карманов. Он хотел бы «чинной» и «безвредной» демонстрации в пользу «свободы коалиций»! А пролетариат вместо этого втягивает массы в *революционную* стачку, неразрывно связывающую политику с экономикой, стачку, привлекающую самые отсталые слои успехом борьбы за немедленное улучшение рабо-

чей жизни и в то же время поднимающую народ *против царской монархии*.

Да, опыт 1905 года создал глубокую и великую традицию массовых стачек. И не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с *вооруженным восстанием*.

Пусть не перетолковывают этих слов. Речь идет совсем не о *призыве* к восстанию. Такой призыв был бы крайне неразумен в настоящий момент. Речь идет об установлении *связи* между стачкой и восстанием в России.

Как *росло* восстание в 1905 году? Во-1-х, массовые стачки, демонстрации и митинги учащали столкновения толпы с полицией и войском. Во-2-х, массовые стачки подняли крестьянство на ряд частичных, дробных, полустихийных восстаний. Во-3-х, массовые стачки очень быстро перекинулись в войско и во флот, вызвав столкновения на экономической почве («гороховые» и т. п. «бунты»), а затем восстания. Во-4-х, контр-революция *сама* начинала гражданскую войну программами, избиениями демократов и т. п.

Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственно», как думают ренегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения — та, что восстание зашло *недостаточно* далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным.

Посмотрим теперь, наблюдаются ли в данное время признаки *роста восстания*? Чтобы не поддаться революционному увлечению, возьмем в свидетели *октябристов*. Немецкий союз октябристов в Петербурге принадлежит большей частью к так называемым «левым» и «конституционным» октябристам, которых особенно любят кадеты и которые всего более способны (по сравнению с другими октябристами и кадетами) «объективно» наблюдать события, не задаваясь целью пугать начальство революцией.

Орган этих октябристов, «St.-Petersburger Zeitung»*, писал в недельном политическом обзоре от 6 (19) мая следующее:

«Наступил май. Независимо от погоды он бывает обыкновенно не очень приятен для столичных жителей, потому что начинается

* — «С.-Петербургская Газета». Ред.

пролетарским «праздником». В этом году, когда рабочие находятся еще под впечатлением ленинских демонстраций,—1-ое мая было особенно опасно. В столичном воздухе, пропитанном всевозможными слухами о стачках и демонстрациях, пахло пожаром. Наша верная полиция заметно волновалась, она устраивала обыски, арестовывала отдельных лиц, приготавливая большие наряды для недопущения уличных демонстраций. Что полиция не нашла ничего более остроумного, как обыскивать редакции рабочих газет и забирать их редакторов, это обстоятельство не свидетельствует об особенно глубоком знании тех интеллигентских кругов, которыми двигали кукольные полки рабочих. А нити эти имеются. За это говорит дисциплинированность стачки и много других обстоятельств. Поэтому так страшна эта майская стачка, самая большая из наблюдавшихся до сих пор,—бастовало 100 и даже 150 тыс. рабочих больших и малых мастерских. Это был лишь мирный парад, но сплоченность этого войска обращает на себя внимание. И это тем более, что рука об руку с недавним возбуждением рабочих шли другие тревожные явления. На различных судах нашего флота были арестованы матросы за революционную пропаганду. Судя по всем тем сведениям, которые проникли в печать, дела обстоит на наших и без того немногочисленных военных судах не важно... Тревожные мысли вызывают и железнодорожники. Правда, нигде не дошло дело даже и до попыток устроить стачку, но аресты—особенно такие бросающиеся в глаза, как арест помощника начальника станции Николаевской дороги А. А. Ушакова,—показывают, что и здесь есть известная опасность.

Революционные попытки незрелых рабочих масс могут оказать, разумеется, лишь вредное действие на исход выборов в Думу. Эти попытки тем более безрассудны, что... «царь назначил Машухина, а Гос. Совет принял рабочее страхование»!!

Так рассуждает немецкий октябрист. Мы, с своей стороны, заметим, что получили относительно матросов точные сведения с мест, доказывающие преувеличение и раздувание дела «Новым Временем». Охранка, явно, «работает» провокаторски. Преждевременные попытки восстания были бы архи-неразумны. Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своевременного—т.е. победоносного—вооруженного восстания в России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии.

Массовые стачки в революционные эпохи имеют свою объективную логику. Они бросают сотни тысяч и миллионы искр во все стороны,—а кругом горючий материал самого крайнего озлобления, неслыханных мучений голода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над нижним чином. Прибавьте к этому до-нельзя разнузданную погромную антиеврейскую травлю черносотенцев, исподтишка питаемую и направляемую придворной шайкой тупого и кровожадного Николая Романова... «Так было—так будет»: на голову себе и своему классу,

и своему помещицъему царю сказал эти вещи слова министр Макаров!

Революционный подъем масс возлагает великие и ответственные обязанности на всякого рабочего социал-демократа, на всякого честного демократа. «Всесторонняя поддержка начинающегося движения масс (теперь надо уже сказать: *начавшегося революционного движения масс*) и расширение его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии»,— так определила эти обязанности всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. Лозунги партии—демократическая республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация всей помещицъей земли—должны стать лозунгами *всей демократии, лозунгами народной революции.*

Чтобы поддерживать и расширять движение масс, нужна *организация и организация.* Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему попусту говорить о ней. Поддерживая и расширяя натиск масс, надо внимательно учитывать опыт 1905 года и, разясняя необходимость и неизбежность восстания, предупреждать и удерживать от *преждевременных* попыток этого рода. Рост массовых стачек, привлечение к борьбе других классов, состояние организаций, настроение масс, все это само собой укажет момент, когда все силы должны будут соединиться в дружном, решительном, наступательном, беззаветно-смелом натиске революции на царскую монархию.

Без победоносной революции не бывать в России свободе.

Без низвержения пролетарски-крестьянским восстанием царской монархии не бывать в России победоносной революции.

НАКАЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ СВОЕМУ РАБОЧЕМУ ДЕПУТАТУ

Выдвинутые движением пятого года требования русского народа остались неразрешенными.

Развитие реакции и «обновленного строя» не только не удовлетворило этих требований, а—наоборот еще больше обострило их.

Рабочие часто лишены возможности не только бастовать,—ибо нет гарантии, что в них за это не будут стрелять; не только устраивать союзы и собрания,—ибо нет гарантии, что за это не арестуют; но и выбирать в Думу, так как их все равно «разъяснят» или вышлют: ведь «разъяснили» же на-днях путиловцев и рабочих с Невского Судостроительного завода!

Мы уже не говорим о голодающем десятками миллионов крестьянстве, отданном на произвол помещиков и земских начальников...

Все это говорит о необходимости удовлетворения требований пятого года.

Состояние же экономической жизни России, уже появляющиеся признаки будущего промышленного кризиса и все усиливающееся обнищание широких слоев крестьянства делают необходимость разрешения задач пятого года настоятельной.

Поэтому мы думаем, что Россия живет накануне грядущих массовых движений, быть может, более глубоких, чем в пятом году. Об этом свидетельствуют ленские выступления, забастовки-протесты против «разъяснений» и т. д.

Застрельщиком этих движений будет, как и в пятом году, наиболее передовой класс русского общества, русский пролетариат.

Союзником же его может быть лишь многострадальное крестьянство, кровно заинтересованное в раскрепощении России,

Борьба на два фронта,—с феодально-бюрократическими порядками и с либеральной буржуазией, ищущей союза со старой властью,—вот какую форму должны принять будущие выступления народа.

И борьба эта будет победоносна лишь постольку, поскольку рабочий класс будет выступать во главе народного движения.

Но чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, он должен быть вооружен знанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей соц.-дем. фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в Государственной Думе.

Мы бы хотели, чтобы соц.-дем. фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России.

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАЧКИ И УЛИЧНЫХ ДЕМОНСТРАЦИЙ

Давно уже указано и общепризнано, что 1912 год представляет из себя выдающееся явление в развитии стачечной борьбы. Но не все поняли и правильно учли это явление.

Возьмем данные о политических стачках за первые 11 месяцев года. Мы получаем:

в 1905 году	1.052	тысяч
» 1906 »	642	»
» 1907 »	540	»
в 1912 году	около 900	тысяч.

Число политических стачечников за первые 9 месяцев определялось, по самым осторожным расчетам, в 700 тыс. человек. Стачки по поводу разьяснения уполномоченных в Питере охватили до 50 тыс. чел. рабочих, стачка протеста против севастопольских казней и стачка 15 ноября, в день открытия Думы, охватили, по данным московского общества фабрикантов, 188 тыс. чел. Это данные до 20 ноября. Ясно, что 900 тысяч цифра минимальная. Вычитая даже 100 тысяч едва ли сравнимых с 1905—1907 г.г. (заводы вне ведения фабрично-заводской инспекции), имеем 800 тысяч.

Во всяком случае движение безусловно переросло 1906 и 1907 годы и немногим отстало от 1905 года!

Что это значит?

Общенародный размах движения в данный момент, конечно, гораздо слабее 1905 года. Следовательно, начало революционного подъема неизмеримо выше теперь, чем было перед первой революцией. Следовательно, грядущая вторая революция обнаруживает уже теперь гораздо больший запас революционной энергии в пролетариате. Выросла численность пролета-

риата—процентов *minimum** на 20. Выросла концентрация пролетариата. Усилилась чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей. Увеличилась в громадных размерах, которые не поддаются учету, масса пролетарского и полупролетарского населения в «кустарной» промышленности, в ремесле и в сельском хозяйстве.

Наконец, выросла сознательность, опытность и решительность передового демократического класса. С этим все согласны, но не все решаются продумать до конца, что отсюда вытекает. Не все решаются взглянуть правде в лицо и признать, что перед нами *революционные* массовые стачки, начало *революционного* подъема.

На это указывает прежде всего основной и наиболее объективный, наименее допускающий субъективные перетолкования факт: размеры движения. Ни в одной стране в мире—вне условий революционной общественной обстановки—нельзя было бы поднять сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год на политические выступления по самым различным поводам. А у нас такой подъем идет стихийно, идет потому, что десятки миллионов полупролетарского и крестьянского населения передают, если можно так выразиться, своему авангарду настроение сосредоточенного возмущения, которое бьет ключом, льется через край.

Революционная стачка русских рабочих в 1912 году носит, в полном смысле слова, общенародный характер. Ибо под общенародным движением надо понимать вовсе не такое, с которым—при условиях буржуазно-демократической революции—солидарна вся буржуазия или хотя бы либеральная буржуазия. Так смотрят только оппортунисты. Нет. Общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения.

Именно таково политическое движение рабочих текущего года, поддерживаемое сочувствием всех трудящихся и эксплуатируемых, всей демократии, как бы она ни была слаба, забита, разрознена, беспомощна. Более определенная размежка между либерализмом и демократией (достигнутая не без борьбы против тех, кто мечтал о «вырывании Думы из рук реакции») есть громадный плюс нового движения. Чтобы

---

* —самое меньшее. *Ред.*

иметь успех, революция должна возможно более точно знать, с кем можно идти на бой, кто ненадежный союзник, где настоящий враг.

Вот почему так велико значение прямых выступлений либералов (кадетов) против новой революции. Вот почему совершенно исключительную (по сравнению с Европой) важность имеет как раз теперь в России лозунг республики, очищающий сознание желающей бороться демократии от тех монархических («конституционных» тож) иллюзий, которые так обессиливали натиск 1905 года. Историческое значение в процессе нарастания новой революции в России имеют два момента: во-первых, апрельско-майские стачки, когда петербургские рабочие—даже несмотря на арест их руководящей организации, П. К.,—выдвинули лозунг республики, 8-мичасового рабочего дня и конфискации земель. Во-вторых, ноябрьские стачки и демонстрации (см. письма из Риги и Москвы; в Питере было то же, но аресты смели наших корреспондентов). Лозунгом этих демонстраций было не голько «долой смертную казнь! долой войну!», но и «да здравствует революционный рабочий класс и революционная армия!».

На улицах Петербурга, Риги, Москвы пролетариат протянул руку передовикам мужицкого войска, героически поднявшимся против монархии.

* * *

Либеральная буржуазия против новой революции, против революционной массовой стачки. Но либералы вовсе не против политических стачек вообще, если они свидетельствуют только об «оживлении» и поддерживают лишь либеральный лозунг конституционных реформ. И объективно, независимо от их «добрых» пожеланий, простыми прислужниками контр-революционной буржуазии являются наши ликвидаторы, которые оба исторические момента подъема ознаменовали «выступлениями»... против революционных стачек!! В № 1 «Невского Голоса», 20 мая 1912 года, незабвенный и несравненный В. Ежов восстал против «осложнения» экономических стачек политическими и обратно, против их «вредного смешения» (ср. «Социал-Демократ» № 27, стр. 4*).

В ноябре 1912 года ликвидаторский «Луч» тоже ополчился

* См. Ленин, т. XV, стр. 544—545. Ред.

против стачек. Невнимательных людей он пытался потом направить «на ложный след», ссылаясь на то, что и с.-д. фракция была против стачки 15 ноября. Но кто сколько-нибудь вникает в смысл события, легко увидит подтасовку «Луча».

Да, и с.-д. фракция и П. К. сочли стачку 15 ноября несвоевременной. Против данной стачки в данный день они предостерегали. Долг рабочей печати был известить об этом. И «Луч» и «Правда» это сделали.

Но «Луч» сделал не только это.

После события 15 ноября (когда бастовал всего усерднее тот самый Выборгский район, который до сих пор всего более был связан с меньшевиками), после того, как движение разрослось до демонстрации, премудрый «Луч» выступил со статьями (передовая и за передовой от 17 ноября, фельетон от 21 ноября) с криками против «опасной растраты сил», с уверениями, что «от частого применения стачкам перестанут сочувствовать», с лозунгом: «поищем другого пути», «вспышками (!?) ничего не достигнешь», с воплями против «игры в забастовки».

Вот такая «философия» ваша, гг. ликвидаторы, давно известная петербургским рабочим и по «Невекому Голосу» и по речам членов вашей «инициативной группы», возбудила законную ненависть и презрение к вам со стороны петербургских рабочих. Отдельная забастовка может состояться неудачно или в неудачный момент. Но говорить об «игре в забастовки» перед лицом одного из величайших в мире движений, поднявших на ноги почти миллион пролетариев, позволительно лишь либералам и контр-революционерам!

Частые стачки могут истощить рабочих. Вполне возможно, что придется звать тогда к более коротким стачкам, к более подготовленным демонстрациям. Но событие 15 ноября именно и замечательно новым шагом вперед демонстрационного движения!

Вместо того, чтобы честно признаться в своей ошибке (ибо вы явно ошиблись насчет значения 15 ноября),—вы, ликвидаторы, принялись с видом нахальнейших либералов говорить о «политической безграмотности» революционного воззвания,—вы, повторяющие азы либеральной политики!

Пусть судят рабочие, чего стоят льстивые речи ликвидаторов об их «единстве» с партией, когда в эпоху рождения и развития революционных стачек и демонстраций они поднимают борьбу против них, в легальной печати отмечая бранью нелегальные воззвания!!

Есть, впрочем, более глубокая причина похода ликвидаторов против стачек. Ликвидаторы—рабы либералов. А либералам действительно стало не по себе от упорства революционных стачек. Начал ворчать и даже беситься «прогрессист»-фабрикант. Милоковым стало боязно за спокойствие их «блока» с Родзянкой.

Ликвидаторская политика служит подчинению рабочих либералам. Марксистская политика поднимает рабочих до роли руководителей *крестьянства*. Об этом нельзя говорить легально, гг. ликвидаторы, но об этом надо думать и говорить тем, кто хочет быть революционным с.-д.

В свободной, конституционной Европе политическая стачка служит пока (пока не началась еще *социалистическая* революция) борьбе за отдельные реформы. В рабской, азиатской, царской России, которая подходит к следующей *буржуазно-демократической* революции, политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскатать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска! Прошло уже, к счастью для России, то время, когда некому было «идти в народ», кроме геройских одиночек-народников. Проходит то время, когда одиночки-террористы могли говорить о «возбуждении» народа террором. Россия ушла вперед от этих печальных времен. Революционный пролетариат в пятом году нашел себе иной «путь в народ», иное средство втягивать в движение массы.

Это средство—революционная стачка, упорная, перебрасывающаяся с места на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная,—стачка, поднимающая отсталых к новой жизни борьбой за экономические улучшения,—стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма,—стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в *толпу*, в народную массу.

Такой стачки нельзя вызвать искусственно, но ее нельзя и остановить, когда она стала охватывать сотни и сотни тысяч.

Пусть либерал, умиленный тем, что его посадили на кресло рядом с «самим» Родзянкой, говорит рабочим: «братцы! не надо вспышек, ищите другого пути, займитесь мирным профессиональным движением, готовьте себя серьезно к открытой европейской партии, не бунтуйте мужика, не растрочи-

вайте энергии на стачки, иначе «мы» перестанем вам сочувствовать»!

Рабочие сумеют оценить такие речи и распознать их даже в наряде «почти-что марксистских» выражений любого писателя из «Луча».

Рабочие направят все внимание на то, чтобы стихийно растущую революционную стачку поддержать, усилить, развить, укрепить *сознательно* для подготовки к восстанию крестьян и войска. Если стачки истощают рабочих,—их надо вести вперемежку, давая отдых одним и поднимая на борьбу отдохнувшие или «свежие» силы. Надо устраивать стачки более короткие. Надо заменять иногда стачки демонстрациями. Но самое главное,—чтобы стачки, митинги, демонстрации шли непрерывно,—чтобы все крестьянство и все войско узнало об упорной борьбе рабочих,—чтобы деревня, даже самая захолустная, увидела, что в городах неспокойно, что «свои» поднялись, что они борются не на живот, а на смерть, что они борются за лучшую жизнь, за высшую плату, за прекращение бесчинств и произвола власти, за передачу помещичьих земель крестьянам, за свержение помещичьей монархии царя, за республику. Надо, чтобы глухое озлобление и сдержанный ропот деревни вместе с возмущением казармы нашли себе в революционной стачке рабочих центр притяжения. Надо работать над этим, не покладая рук,—и мы увидим тот день, когда пролетариат вместе с крестьянством и войском свалит помещиков, свергнет царскую монархию народным восстанием.

Р. С. «Луч» прогрессирует: за прямодушным В. А. (№ 56)—дипломат Ф. Д. (№ 65). Но, несмотря на «дипломатию», смысл речей Ф. Д.—тот же: *против* революционной стачки! Перед нами чистокровный либерал, у которого *и мысли* нет о том, что стачки будят крестьян, ведут их к восстанию, развивают *революционную* агитацию в массах, будят войско, что от стачек (поскольку они истощают) надо переходить к уличным демонстрациям и т. д.

Пошлые либеральные фразы Ф. Д. о «борьбе за право организации», как «очередной задаче»—конституционная реформа «на очереди» при Трещенке!—единственное прикрытие борьбы «Луча» против революционных стачек. Маловато, гг. ликвидаторы!

МАЕВКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Прошел год со времени ленских событий и первого, решительного подъема революционного рабочего движения после переворота 3 июня. Царева черная сотня и помещики, орава чиновников и буржуазия отпраздновали 300-летний юбилей грабежа, татарских наездов и опозорения России Романовыми. Собралась и начала свою «работу», сама не веря в нее и потеряв былую контр-революционную энергию, IV Дума. Расстерянность и скука овладели либеральным обществом, вяло жующим призывы к реформам—и в то же время признающим невозможность даже подобия реформ.

И вот, маевка рабочего класса России,—сначала давшего репетицию в Риге, а затем, в первое мая по старому стилю в Петербурге решительное выступление,—эта маевка, как молния в хмурой, тусклой, тоскливой атмосфере, прорезала воздух. Перед сотнями старых революционеров, которых не добились еще и не надломили преследования палачей и ренегатство друзей,—перед миллионами нового поколения демократов и социалистов встали опять, во всем своем величии, задачи грядущей революции и обрисовались силы руководящего ею передового класса.

Уже за несколько недель до первого мая правительство точно потеряло голову, а господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди. Аресты и обыски подняли, казалось, вверх дном все рабочие кварталы столицы. Провинция не отставала от центра. Фабриканты металась, собирая совещания, вынося противоречивые лозунги, то грозя расправой и локаутами, то уступая наперед и соглашаясь закрыть заводы,—то подстрекая правительство к зверствам, то упрекая правительство и призывая его к внесению первого мая в число «табельных» дней.

Но, как ни усердствовала жандармерия, как ни «чистила»

она фабричные предместья, как ни хватала направо-налево по последним из своих «списков подозрительных»,—ничто не помогло. Рабочие смеялись над бессильной злобой царской шайки и класса капиталистов, пронизывали над грозными и жалкими «объявлениями» градоначальника, писали и пускали по рукам—или передавали из уст в уста—сатирические стишки и добывали, точно из-под земли, новые и новые пригоршни маленьких, плохо изданных, коротких и простых, но вразумительных «листочков» с призывами к стачке и к демонстрации, с напоминанием старых, неурезанных, революционных лозунгов социал-демократии, которая руководила в пятом году первым натиском массе на самодержавие и на монархию.

Сто тысяч бастующих первого мая—говорила на другой день правительственная печать. Сто двадцать пять тысяч—сообщали буржуазные газеты, по первым телеграфным информациям («Киевская Мысль»). Сто пятьдесят тысяч—телеграфировал из Петербурга корреспондент центрального органа германской социал-демократии. А на другой день уже вся буржуазная пресса давала цифру 200—220 тысяч. Число стачечников на деле дошло до 250 тысяч!

Но, помимо числа бастующих первого мая, еще гораздо внушительнее—и гораздо знаменательнее—были революционные уличные демонстрации рабочих. С пением революционных песен, с громкими призывами к революции во всех предместьях столицы и во всех концах города, с красными флагами боролись рабочие толпы в течение нескольких часов против мобилизованных, с удесятеренной энергией правительством, сил полиции и охраны. И рабочие сумели дать почувствовать наиболее ретивым из царских опричников, что борьба идет не на шутку, что перед полицией не горстка игрушечного, славянофильского, дела людшек, что встали действительно массы трудящегося класса столицы.

Открытая демонстрация революционных стремлений пролетариата—революционных сил его, закаленных и подкрепленных новыми поколениями,—революционных призывов к народу и к народам России получилась поистине блестящая. Если в прошлом году правительство и фабриканты могли утешать себя тем, что нельзя было предвидеть ленского взрыва, нельзя было сразу подготовиться к борьбе с его последствиями, то теперь предвидение было со стороны монархии самое точное, время для подготовки было самое долгое, приняты «меры» были самые «энергичные»,—и в результате полное обнаружение бессилия царской монархии перед революционным пробуждением пролетарских масс.

Да, год стачечной борьбы после Лены, этот год показал— вопреки жалким воплям либералов и их подголосков против «стаечного азарта», против «синдикалистских» стачек, против соединения экономической стачки с политической и обратно,—этот год показал, какое великое, незаменимое оружие выковал себе социал-демократический пролетариат в революционную эпоху для агитации в массах, для пробуждения их, для привлечения их к борьбе. Революционная массовая стачка не давала неприятелю ни отдыха, ни срока. Она была врага и по карману, она топтала в грязь перед лицом всего мира политический престиж якобы-«сильного» царского правительства. Она давала все новым и новым слоям рабочих возможность вернуть назад хоть частичку завоеваний пятого года и привлекала к борьбе новые слои трудящихся, захватывая наиболее отсталых. Она не исчерпывала сил рабочих, будучи сплошь и рядом кратковременным, демонстративным выступлением,—и в то же время подготавливая новые, еще более внушительные и более революционные открытые выступления масс в виде уличных демонстраций.

Ни в одной стране мира за последний год не наблюдалось такого числа политических стачечников, как в России, такого упорства, такого разнообразия, такой энергии стачек. Уже одно это обстоятельство показывает всю мизерность, все презренное тупоумие тех либеральных и ликвидаторских мудрецов, которые хотели «поправлять» тактику русских рабочих 1912—1913 годов по мерке «европейских» конституционных периодов, периодов главным образом подготовительной работы социалистического просвещения и воспитания масс.

Ибо громадный перевес русских стачек над стачками европейских, наиболее передовых стран доказывает вовсе не особые качества или особые способности рабочих России,— а лишь *особые* условия современной России в смысле наличности революционного положения, нарастания непосредственного революционного кризиса. Когда в Европе приблизится аналогичный момент нарастания революции (там это будет социалистическая революция, а не буржуазно-демократическая, как у нас), тогда пролетариат наиболее капиталистических стран развернет еще несравненно большую энергию революционных стачек, демонстраций и вооруженной борьбы с защитниками наемного рабства.

Майская стачка текущего года, как и целый ряд стачек за последние полтора года в России, имеет революционный характер в отличие не только от обычных экономических стачек, но и от демонстративных стачек и от тех политических

стачек с требованиями конституционных реформ, какова, например, последняя бельгийская стачка. Этого своеобразия русских стачек, всецело обусловливаемого революционным состоянием России, никак не могут понять люди, плененные либеральными мировоззрениями и разучившиеся смотреть на вещи с революционной точки зрения. Эпоха контр-революции и разгула ренегатских настроений оставила слишком много таких людей и среди тех, кто желает называть себя социал-демократами.

Россия переживает революционное состояние потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с состоянием производительных сил России, и с степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных пятым годом, и с положением дел во всех соседних, не только европейских, но и азиатских странах.

Но этого еще мало. Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низи не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде. Именно это мы видим теперь в России. Политический кризис назревает у всех на глазах. Буржуазия *все* сделала, что от нее зависело, для поддержки контр-революции и создания на этой контр-революционной почве «мирного развития». Буржуазия давала деньги палачам и крепостникам, сколько они хотели, буржуазия поносила революцию и отреклась от нее, буржуазия лизала сапог Пуришкевича и кнут Маркова 2-го, превращалась в лакея их, буржуазия создавала «европейски» обоснованные теории, обливающие грязью якобы «интеллигентскую» революцию пятого года, объявляющие ее греховной, воровской, противогосударственной и прочее и прочее.

И несмотря на все эти жертвы своим кошельком, своей честью и своей совестью, буржуазия *сама* признает, от кадетов до октябристов, что самодержавие и помещики *не смогли* обеспечить «мирного развития», не смогли обеспечить элементарных условий «порядка» и «законности», без которых не может жить в XX веке капиталистическая страна, рядом с Германией и новым Китаем.

Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это—кризис такой, который касается

именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается *фундаменты* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа. И сколько бы ни болтали наши либералы и ликвидаторы фраз на тему о том, что «у нас есть, слава богу, конституция» и что на очереди дня те или иные политические *реформы* (тесной связи первого положения со вторым не понимают только очень недалекие люди), сколько бы ни лилось этой реформаторской водицы,—а дело остается в том положении, что ни единый ликвидатор и ни единый либерал не может указать никакого реформаторского выхода из положения.

И состояние масс населения в России, и обострение их положения новой аграрной политикой (за которую, как за последнее спасение, должны были схватиться крепостники-помещики), и международные условия и характер создавшегося у нас общеполитического кризиса—вот та сумма объективных условий, которые делают положение России революционным вследствие невозможности решить задачи буржуазного переворота на данном пути и данными (правительству и эксплуататорским классам) средствами.

Такова общественная, экономическая и политическая, почва, таково соотношение классов в России, породившее своеобразные стачки у нас, невозможные в теперешней Европе, у которой всякие ренегаты желают заимствовать пример не вчерашних буржуазных революций (с проблесками завтрашней пролетарской революции), а сегодняшнего «конституционного» положения. Ни угнетение низов ни кризис верхов не создадут еще революции,—они создадут лишь гниение страны,—если нет в этой стране революционного класса, способного превратить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания.

Эту роль действительно передового, действительно поднимающего массы на революцию, действительно способного спасти Россию от гниения, класса и играет промышленный пролетариат. Эту задачу он и осуществляет своими революционными стачками. Эти стачки, ненавидимые либералами и непонятые ликвидаторами, являются (говоря словами февральской резолюции Р. С.—Д. Р. П.) «одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельско-хозяйственного пролетариата и крестьянства, ... *возвращения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления*» *.

* См. *Ленин*, т. XVI, стр. 228. *Ред.*

Рабочий класс вовлекает в революционные выступления массы трудящихся и эксплуатируемых, лишенных элементарных прав и доведенных до отчаянного состояния. Рабочий класс учит их революционной борьбе, воспитывает их для революционного действия, разъясняет им, где и в чем выход и спасение. Рабочий класс учит их не словами, а делами, примером и притом примером не авантюр единичных героев, а примером *массового* революционного выступления, соединяющего политические и экономические требования.

Как просто, как понятны, как близки эти мысли всякому честному рабочему, воспринимающему хотя бы зачатки учения социализма и демократии! И как чужды они тем интеллигентским изменникам социализма и предателям демократии, которые в ликвидаторских газетах поносят или осмеивают «подполье», уверяя наивных простаков, что они—«тоже-социал-демократы».

Маевка петербургского, а за ним и всего российского, пролетариата еще и еще раз наглядно показала тем, кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, великое историческое значение революционного подполья в современной России. Единственная партийная организация Р. С.-Д. Р. П. в Петербурге, Петербургский Комитет заставил и перед маевкой, как и перед 9 января, как и перед 300-летием Романовых, как и 4 апреля, даже буржуазную печать отметить тот факт, что листки П. К. снова и снова появились по фабрикам и заводам.

Громадных жертв стоят эти листки. Иногда невзрачна их внешность. Некоторые из них, например, призывы к демонстрации 4 апреля, представляют из себя назначения часа и места демонстрации, в шести строках, набранных, видимо, тайком и с крайней спешкой в различных типографиях и различным шрифтом. У нас есть люди («тоже социал-демократы»), которые, имея в виду эти условия работы «подполья», спрашивают, злобно хихикая или презрительно поджигая губы: «Если бы подпольем исчерывалась партия, то сколько же членов она насчитывала бы? 2—3 сотни?» (См. № 95 (181) органа ренегатов «Луча» в редакционной защите г. Седова, имеющего печальное мужество быть открытым ликвидатором. Этот номер «Луча» вышел за пять дней до маевки, т.-е. как раз во время изготовления листов подпольем!).

Господа Даны и Потресовы с К⁰, пишущие эти позорные вехи, не могут не знать, что тысячи пролетариев были в партии уже в 1903 году, 150 тысяч в 1907 году, что и теперь тысячи и десятки тысяч рабочих издают и распространяют

подпольные листки, как члены подпольных ячеек Р. С.-Д. Р. П. Но господа ликвидаторы знают, что они защищены столыпинской «легальностью» от легального опровержения их подлой лжи и еще более подлых «ужимок» насчет подполья.

Посмотрите, до чего оторвались от массового рабочего движения, от революционной работы вообще, эти жалкие люди! Возьмите даже их, заведомо фальсифицированную в угоду либералам, мерку. Допустите на минуту, что «две-три сотни» рабочих в Петербурге участвовали в изготовлении и разбрасывании этих подпольных листов.

Что же отсюда выходит? «Две-три сотни» рабочих, цвет Спб. пролетариата, люди, не только называющие себя социал-демократами, но и работающие как социал-демократы, люди, уважаемые и ценимые за это *всем* рабочим классом России, люди, не языкоблудствующие о «широкой партии», а составляющие на деле единственно существующую в России подпольную с.-д. партию,—эти люди готовят и раздают подпольные листки. Ликвидаторы «Луча» презрительно смеются (под защитой столыпинских цензоров) над «2—3 сотнями», над «подпольем», над «преувеличением» его значения и т. д.

И вдруг, о, чудо! По решению, средактированному *пятыо-сезью* членами исполнительной комиссии П. К.,—по листку, изготовленному и розданному «двумя-тремя сотнями»,—встают, как один человек, *двезти пятьдесят тысяч* в Петербурге.

Не об «открытой рабочей партии», не о «свободе коалиции» и тому подобных реформах, призраками коих дурачат народ либералы, говорят эти листки, говорят революционные речи рабочих на митингах и демонстрации. Они говорят о революции, как единственном выходе из положения. Они говорят о республике, как единственном лозунге, который, в противовес либеральной лжи насчет реформ, указывает перемену, обеспечивающую свободу, указывает силы, способные сознательно встать за нее.

Весь двухмиллионный Петербург видит и слышит эти призывы к революции, западающие глубоко в сердце каждому трудящемуся и угнетенному слою. Весь Петербург видит на живом и массовом примере, в чем выход и в чем ложь либеральной болтовни о реформах. На всю Россию разносят тысячи связей рабочих—и сотни буржуазных газет, вынуждаемых рассказать хоть бы урывками о питерской массовке—разносят весть об упорной стачечной борьбе столичного пролетариата. И в крестьянскую массу и в крестьянское войско доносится эта весть о стачках, о революционных требованиях рабочих, о борьбе их за республику и за кон-

фискацию земли помещиков в пользу крестьян. Медленно, но верно, революционная стачка шевелит, будит, просвещает и организует народные массы для революции.

«Две-три сотни» «подпольщиков» выражают интересы и нужды миллионов и десятков миллионов, говоря им правду об их безвыходном положении, раскрывая им глаза на необходимость революционной борьбы, внушая им веру в нее, давая им правильные лозунги, вырывая эти массы из-под влияния широковетвистых и насквозь лживых, реформистских лозунгов буржуазии. А «два-три» десятка интеллигентских ликвидаторов, одурачивая неразвитых рабочих на деньги, собранные с заграницы и с либеральных купцов, проводят в рабочую среду лозунги этой буржуазии.

Майская стачка, как и все революционные стачки 1912—1913 годов, воочию показывает нам три политических лагеря, на которые делится современная Россия. Лагерь палачей и крепостников, монархии и охранки. Он сделал все, что мог, по части зверства. Он уже бессилен против рабочих масс. Лагерь буржуазии, которая вся, от к.-д. до октябристов, кричит и стонет, призывая к реформам и сама себя объявляя в «дураках» за допущение мысли о возможности реформ в России. Лагерь революции, единственно выражающий интересы угнетенных масс.

Всю идейную, всю политическую работу в этом лагере ведет только подпольная социал-демократия, умеющая каждую легальную возможность использовать именно в своем духе и неразрывно связанная с передовым классом, пролетариатом. Никто не может наперед сказать, удастся ли этому передовому классу довести массы до победоносной революции. По свой долг вести массы к такому выходу этот класс исполняет вопреки всем шатаниям и изменам либералов и «тоже-социал-демократов». Все, что есть живого и жизнеспособного в русском социализме и в русской демократии, все это воспринимается исключительно на примере революционной борьбы пролетариата и под руководством ее.

Маевка текущего года показала всему миру, что российский пролетариат твердо идет по своему революционному пути, вне которого нет спасения для задыхающейся и гниющей заживо России.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ «ПРАВДЫ»

(Воспоминания)

1. ЛЕНСКИЕ ДНИ

Ленские дни явились результатом Столыпинского режима «успокоения». Молодые члены партии, конечно, не испытали и не помнят прелестей этого режима. Что касается стариков, то им, должно быть, памятна проклятой памяти карательные экспедиции, разбойничьи набеги на рабочие организации, массовая порка крестьян и, как прикрытие всего этого,—черносотенно-кадетская дума. Скванность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры—таковы характерные черты Столыпинского «успокоения».

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что эпоха революции канула в вечность, что наступил период «конституционного развития» России на манер Пруссии. Ликвидаторы кричали об этом открыто, проповедуя необходимость организации Столыпинской легальной рабочей партии. А некоторые старые «большевики», сочувствуя в душе такой проповеди, заблаговременно покидали ряды нашей партии. Торжество днута и темноты было полное. «Мерзость запустения»—так характеризовалась тогда политическая жизнь России.

Ленские дни ворвались в эту «мерзость запустения» ураганом и открыли для всех новую картину. Оказалось, что Столыпинский режим не так уж прочен. Дума вызывает в массах презрение, а рабочий класс накопил в себе достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела рабочих в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат, выйдя на улицу, одним взмахом смел с пути хвастливого министра Макарова с его наглым ло-

зунгом «так было, так будет». Это были первые ласточки начинающегося мощного движения. «Звезда» была тогда права, восклицая: «мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил»... Подъем нового революционного движения был налицо.

В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда».

«Правда» № 98 от 5 мая 1922 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ЛЕНСКИМ РАБОЧИМ

Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире *своего* рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!

Приветствуя вас, дорогие товарищи, в этот день воспоминаний о героической борьбе павших товарищей, позвольте выразить уверенность в том, что вы твердо и неуклонно будете продолжать дело дальнейшей борьбы за полное торжество победы социализма в нашей стране.

И. Сталин.

«Ленский шахтер» № 87 от 17 (4)
апреля 1927 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От издательства	2
<i>В. И. Ленин</i> —Начало демонстраций	3
<i>И. В. Сталин</i> —Выборы в Петербурге (<i>Письмо из С.-П. Б.</i>)	7
I. Рабочая курия	7
1. Борьба за выборы	7
2. Наказ депутату	9
3. Единство, как маска, и выборы депутата	10
II. Городская курия	13
III. Итоги	15
<i>В. И. Ленин</i> —Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.	16
<i>И. В. Сталин</i> —Новая полоса	22
<i>И. В. Сталин</i> —Они хорошо работают...	24
<i>И. В. Сталин</i> —Тронулась!.. . . .	26
<i>И. В. Сталин</i> —Выводы	28
<i>В. И. Ленин</i> —Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии	31
<i>И. В. Сталин</i> —Первомайская листовка 1912 года	35
<i>В. И. Ленин</i> —Революционный подъем	39
<i>И. В. Сталин</i> —Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату	46
<i>В. И. Ленин</i> —Развитие революционной стачки и уличных демонстраций	48
<i>В. И. Ленин</i> —Маевка революционного пролетариата	54
<i>И. В. Сталин</i> —К десятилетию «Правды» (<i>Воспоминания</i>)	62
1. Ленские дни	62
Приветствие товарища Сталина ленским рабочим	63

В. И. Ленин И. В. Сталин
О ленских событиях

Политиздат при ЦК ВКП(б). 1941 г.

Слано в набор 30 ноября 1940 г. Подписано к печати
26 декабря 1940 г. Формат 84×108²/₃₂. Объем 4 п. л.
39 тыс. зн. в 1 п. л. Тираж 100 тыс. Заказ № 1454.
Изд-во № 276.

A 34171.

Цена 30 коп.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата при
ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.

88 000

30 коп.